Б-13 5/423

8 13 7/423

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач_____
Вологда, тип. „Сев. Печатник" Зак. 1030

БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНИЧЕСТВА.

(Воспоминанія о моей матери и ея окружающемъ).

О. Корниловой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищ. „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1890.

БЫЛЬ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНИЧЕСТВА.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ
БАХРУШИНЪ

БЫЛЬ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ КРѢПОСТНИЧЕСТВА.

(Воспоминанія о моей матери и ея окружающемъ).

О. Корниловой.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., 39.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Декабря 1889 г.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ 301964
193 г.

I.

Въ сторонѣ отъ большой дороги тянется рядъ опрятныхъ избъ, залитыхъ солнцемъ; передъ ними стелется большой лугъ и служитъ природнымъ ковромъ несмѣтному числу ребятъ нашей Поспѣловки. Какія веселыя лица у этихъ дѣтей, какой здоровый видъ. И мы съ братомъ тутъ, на лугу, играемъ съ крестьянскими дѣтьми, довольные лѣтомъ, тепломъ, привольемъ и товарищами.

Игры бывали самыя разнообразныя: въ горѣлки бѣгали, въ козны, въ лапту играли; змѣя пускали; боролись; игру въ лошадки затѣвали на всѣ лады: въ одиночку, цугомъ, парой и тройкой, причемъ братъ Леля всегда былъ самымъ рѣзвымъ, горячимъ конемъ, взвивался на дыбы, билъ ногами и вырывался изъ веревочной упряжи. Мальчикамъ очень нравилось править такой страшной лошадью и каждый хотѣлъ

непремѣнно быть кучеромъ Лели; случалось, что доходило до ссоры. Одиночкой онъ ходилъ неохотно, и пристяжныхъ къ нему подбирали самыхъ лихихъ. Мы, дѣвочки, участвовали во всѣхъ играхъ наравнѣ съ мальчиками и не отставали отъ нихъ ни въ горѣлкахъ, ни въ лошадкахъ; я, помню, любила больше всего бѣгать на пристяжкѣ и Леля училъ меня гнуть голову въ сторону и какъ можно ниже. Бывало, что на лугу и дѣломъ занимались: мальчики лапти плели, стрѣлы для луковъ стругали; дѣвочки мотали нитки, вязали чулки или варежки, а то и грудныхъ ребятъ убаюкивали среди общаго шума и веселья.

Такъ живо вижу я и теперь передъ собою эти родныя мѣста. По другую сторону вдоль луга проселочная дорога, а за ней виднѣется нашъ одноэтажный домикъ, крытый соломой, съ пятью небольшими окнами въ молодой садъ, обнесенный низкимъ частоколомъ. Цвѣтниковъ въ саду много; мать была большая охотница до цвѣтовъ, сама ихъ сѣяла, поливала, и когда мы стали постарше, часто помогали ей при поливкѣ, усердно работали въ саду граблями и лопатками, воображая себя полезными, взрослыми людьми. Деревья были большею частью фруктовыя, еще маленькія, такъ что домикъ нашъ ничѣмъ не былъ защищенъ отъ вѣтра и солнца, а «стоялъ какъ на ладони», говорили поспѣловскіе. Тѣмъ не менѣе внутри его было особенно уютно, и всякій былъ доволенъ своимъ угломъ.

Мать умѣла устроить такъ, чтобы всѣмъ было хорошо и удобно, особенно же намъ, дѣтямъ. Мы любили нашу дѣтскую, комнату въ два окна, которую раздѣлили съ братомъ на двѣ равныя половины, гдѣ и расположилъ каждый свое добро: кровать, платье, игрушки, картинки, и жилъ своей отдѣльной жизнью мирно. Много разъ на дню мы ходили другъ къ другу въ гости и угощались чаемъ или обѣдами собственнаго приготовленія. Помню, какое было торжество для насъ когда намъ подарилъ отецъ настоящій крошечный самоваръ; сколько разъ въ тотъ день мы наполняли его водой и какъ насъ занимало отвертывать кранъ и разливать эту воду по «кукольнымъ чашкамъ»; конечно, дѣло не обошлось и безъ маленькаго наводненія. Но такой комнатной жизнью мы жили только зимою, когда насъ одинъ разъ на дню выпускали гулять и кататься на салазкахъ, а въ теплое время постоянно были на воздухѣ. Когда отцу случалось заходить въ нашу дѣтскую, онъ почти каждый разъ говорилъ: «лучшую комнату вамъ отдала мама, дѣти,—свѣтлая, веселая, окна въ садъ». Дѣйствительно, при постройкѣ домика на насъ, должно быть, не разсчитывали, и при моемъ появленіи на свѣтъ пришлось обратить гостиную въ дѣтскую, а зала осталась единственной пріемной комнатой, чѣмъ отецъ былъ не особенно доволенъ.

Вообще отца мы видѣли мало и немного его побаивались. Мама насъ страстно любила и мы чувство-

вали къ ней особенную нѣжность; добра и ласкова къ намъ она была безконечно.

Самыя свѣтлыя воспоминанія сохранились у меня о моемъ дѣтствѣ. Мнѣ кажется до сихъ поръ, что нигдѣ послѣ не грѣло меня такъ тепло солнце, нигдѣ не дышалось мнѣ такъ легко, не жилось такъ привольно, какъ тогда въ родномъ гнѣздѣ, гдѣ все носило отпечатокъ простоты, заботливости, любви.

Конечно въ дѣтствѣ мы чувствовали безсознательно, что все вокругъ насъ хорошо, мирно, свѣтло, но намъ казалось, что такъ и быть должно, и мы не отдавали себѣ отчета почему у насъ такъ—а не иначе, не спрашивали себя такъ ли у всѣхъ вокругъ насъ.

А между тѣмъ наша личная жизнь и села нашего выдѣлялась рѣзко изъ всего окружающаго, она сложилась при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, которыя обращали на себя всеобщее вниманіе.

Выстроилась Поспѣловка въ совершенно плоской мѣстности: не только горы—и пригорочка не видать было;—«ширь да гладь, Божья благодать»,—даже на рѣку и въ лѣсъ ходить было далеко; но почва за то—сплошной черноземъ, и крестьяне любили свое мѣсто. Не смотрѣла Поспѣловка селомъ зажиточнымъ; постройка избъ была самая незатѣйливая, никакихъ прикрасъ: ни рѣзьбы на окнахъ, ни коньковъ или пѣтушковъ на воротахъ; крылецъ съ навѣсами и въ заводѣ не было, и крыты всѣ избы были соломой. Но за то не

видно было ни одной покривившейся избенки, ничего обрушавшагося въ постройкѣ; все было порядочно и чисто; внѣшность Поспѣловки поражала уютностью, довольствомъ и какъ бы имущественнымъ равенствомъ ея жителей.

Ямщики охотно брали влѣво отъ большой дороги, чтобы урѣзать путь версты на 3—4 и везли проселкомъ черезъ Поспѣловку. Рѣдкій проѣзжающій не обращался съ разспросами о выдающемся по внѣшнему виду селѣ.

Какъ-то разъ, въ жаркій лѣтній день, я сидѣла на лугу разутая, въ легкой ситцевой блузочкѣ, съ другими дѣвочками и училась плести пояса, какъ вблизи раздался звукъ колокольчика и около насъ остановилась почтовая тройка; въ тарантасѣ сидѣлъ какой-то господинъ, а на козлахъ, подлѣ ямщика, лакей.

— Какъ ни достать молока, гдѣ же и достать коль не здѣсь,—говорилъ ямщикъ;—обойди избы, добудь какую нибудь старуху, пусть въ погребъ сходитъ.

Лакей соскочилъ съ козелъ и побѣжалъ къ избамъ. Баринъ, полулежа въ тарантасѣ, спросилъ: «чье имѣнье?»

— Корниловское,—отвѣчалъ ямщикъ,—Поспѣловкой прозывается. А что, баринъ, любо-дорого смотрѣть?

Я стала прислушиваться къ разговору. Мнѣ было не все равно что́ скажутъ о Поспѣловкѣ.

— Вѣрно!—проговорилъ баринъ, любуясь одинаковымъ состояніемъ построекъ и опрятностью села, которой не избалованы въ средней полосѣ Россіи.

— Это не подъ-стать Крыловкѣ, вонъ сейчасъ-то проѣзжали, верстъ пять отселѣ будетъ,—продолжалъ ямщикъ, видимо довольный отзывомъ барина о Поспѣловкѣ;—то село вольное, богатымъ слыветъ; тамъ мужики есть—богаче купцовъ живутъ. Видалъ, баринъ? дома росписные, на двѣ половины, значитъ;—одна чистая для гостей да пировъ, а другая для себя; ставни двустворчатые, окна, крыльца съ рѣзьбой, а крыши, ворота, у.... у.... у.... съ какими затѣями!

— А за то сколько тамъ совсѣмъ разорившихся избенокъ,—возразилъ проѣзжающій;—того и гляди развалятся; все запущено, грязь невылазная; мѣстами обгорѣлыя стѣны; значитъ, много тамъ и бѣдныхъ мужиковъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе; вѣрно изволите говорить. Да ништо богатому дѣло до бѣдняги? Избенки-то, вишь, валятся на сосѣдни хоромы, стекла повыбиты, окна онучами заткнуты; у иныхъ и крыши то на-половину, почитай, раскрытыя, а нѣтъ того, чтобы помочь шабру (сосѣду). И горя мало! Пусть его тамъ сидитъ, въ своей конурѣ, безъ свѣта, безъ хлѣба, лишь бы ты самъ въ ширину лѣзъ, да у жены лисья шуба была...

— Пропалъ мой Егоръ,—перебилъ проѣзжій словоохотливаго ямщика.

— Пора рабочая; бабы всѣ въ полѣ, баринъ,—вотъ и не найдетъ кто бы въ погребъ сходилъ.

— Отчего же здѣсь, въ помѣщичьемъ селѣ, все такъ хорошо, у всѣхъ одинаково?—поинтересовался баринъ, оглянувшись еще разъ на Поспѣловку.

— Оттого такъ, что у нихъ барыня ужъ больно хороша, такой никто и не видывалъ. Не нахвалится народъ-то; словно мать родная. Да не то что своимъ—у нея, почитай, кажному помочь готова; съ чьего села ни приди, свой, чужой—все одно. У ней всѣ равны—что́ господа, что́ мужикъ. Дай ей, Богъ, здоровья, Александрѣ Ивановнѣ; и меня лѣтось лечила; какъ плохъ былъ—баба моя такъ и думала: Богу душу отдамъ, а вотъ всталъ, живъ и на козлахъ сижу. Сама, матушка, кажный день за 18 верстъ ѣзжала и снадобья свои привозила; бывало, часа по два сидитъ. А ужъ доброта какая! одно слово—ангелъ. Какъ эдакъ взглянетъ на тебя—такъ и полегчаетъ словно сразу.

Но вернувшійся съ горшкомъ молока Егоръ прервалъ рѣчь ямщика. Баринъ радехонекъ былъ утолить нестерпимую жажду и, мнѣ казалось, онъ опорожнилъ самъ горшокъ до дна; лакей подбросилъ его намъ пустымъ. Тройка тронулась; тарантасъ покатилъ по гладкой, извилистой дорогѣ вдоль луга, наградивъ насъ приличнымъ количествомъ пыли и оставляя Поспѣ-

ловку позади. Разговоръ остался у меня въ памяти приблизительно такимъ, какъ я его передала и навелъ на меня и тогда раздумье.

«Отчего ямщикъ хвалилъ только маму и ни однимъ словомъ не обмолвился объ отцѣ?»—спрашивала я себя. «Правда, мама у насъ добрая, предобрая; вотъ и няня, и Агафья, и Авдотья-глухая только про нее и говорятъ межъ-собой, и тоже все про *ея* доброту поминаютъ. Но онѣ другое дѣло; папа до нихъ никогда не касается; я думаю, онѣ его вовсе не знаютъ, и боятся его, какъ мы, потому что мало видятъ». Помню, что отецъ не любилъ когда заставалъ кого нибудь изъ прислуги не на своемъ мѣстѣ, а мѣсто ея онъ полагалъ въ дѣвичьей для женщинъ и въ передней для Дениски,—такъ звалъ папа нашего лакея, подареннаго ему сосѣдомъ, мальчика лѣтъ 18-ти, за котораго отецъ, въ свою очередь, отдарилъ борзой собакой. Денису вмѣнялось въ обязанность не отлучаться изъ передней, гдѣ онъ вѣчно дремалъ на ларѣ, пока мама ни выучила его читать. Прислали его намъ босымъ оборвышемъ; мама его обула и одѣла въ казакинъ и брюки изъ толстаго синяго сукна, стала звать его Денисомъ и всѣмъ въ домѣ велѣла звать его такъ. Денисъ изображалъ изъ себя фигуру куба, маленькій, приземистый, широкоплечій, съ сѣрымъ цвѣтомъ лица, съ маленькими сѣрыми глазами, онъ вообще былъ очень невзрачный на видъ, почему его и подарилъ прежній баринъ. Не

знаю чѣмъ онъ могъ понравиться отцу по наружности; на дѣлѣ же онъ оказался преданнымъ, честнымъ слугой; мы всѣ его полюбили когда привыкли къ нему. Кромѣ неотлучнаго пребыванія въ передней, лѣтомъ у Дениса была еще другая должность: отецъ требовалъ, чтобы онъ стоялъ во время обѣда у него за стуломъ и обмахивалъ его лопухами отъ мухъ. Случалось, что Денисъ зазѣвается и мазнетъ барина лопухомъ по лбу или по уху; это обстоятельство могло, смотря по настроенію, привести отца въ скверное расположеніе духа на все время обѣда. Въ такихъ случаяхъ Денисъ казался совсѣмъ несчастнымъ и мы съ братомъ очень жалѣли его.

Наша няня—Вѣрушка тоже была славный человѣкъ; никого ближе насъ у нея не было; совсѣмъ одинокая, она жила только нами; наши радости, наши бѣды—были ея радостями и бѣдами. Съ самаго дня рожденія она няньчила меня и Лелю, и мы, конечно, сильно къ ней привязались. Во дворѣ и на деревнѣ она слыла крайне доброй; всякій зналъ, что она не только готова подѣлиться чѣмъ можетъ, а и все, до послѣдней нитки, отдать.

— Извѣстно дѣло, — говаривали дворовые и крестьяне, — Вѣрушка готова послѣдню рубаху отдать; у нея ничево не удержится.

Жила она въ дѣвичьей, рядомъ съ дѣтской и спала, какъ любила, подъ ситцевымъ пологомъ; тамъ же съ

ней помѣщалась и добродушная толстая Агафья, наша горничная; жили онѣ мирно и тихо; никогда ни изъ-за чего не выходило у нихъ какихъ-нибудь препирательствъ, ссоръ. Попивали онѣ вмѣстѣ чаекъ послѣ насъ, всегда въ прикуску, и всегда до пота лица. Агафья выносила въ дѣвичью самоваръ и подносъ, на которомъ утромъ и вечеромъ оказывалось для нихъ по куску сахару; и усаживались худенькая маленькая старушка няня, въ черной шелковой повязкѣ, и толстая высокая Агафья другъ противъ друга, пили чашку за чашкой, разговаривая шепотомъ до тѣхъ поръ, пока въ чайникѣ и въ самоварѣ не оставалось ни капли. Обѣ были большія охотницы до чая и эти бесѣды и чаепитіе были вѣроятно ихъ любимымъ временемъ дня. Странно сказать, что на сколько Агафья, при своей толщинѣ и ростѣ, была подвижна и быстра въ работѣ, на столько наша худенькая няня медленна въ движеніяхъ и дѣлѣ; казалось, она постоянно ходила и дѣлала все въ какомъ-то раздумьѣ, точно неувѣренно; Агафья говорила скороговоркой; няня растягивала каждое слово и когда разсказывала намъ сказки — повторяла одно и то же по нѣскольку разъ.

Кухарка Авдотья—глухая, длинная, сухая, желтая, мало говорила, вкусно стряпала, жила въ застольной—черезъ дворъ, и разъ навсегда отказалась пить чай, объявивъ, что это барское дѣло, а она простая баба.

Благодаря ей я до сихъ поръ помню, что 1-го марта св. Евдокія; въ этотъ день наша Авдотья бывала имянинница, пекла много жаворонковъ, замѣчательно вкусныхъ, и получала подарки отъ всѣхъ насъ. Одна у нея была слабость—къ красному цвѣту, и мать всегда баловала ее краснымъ ситцемъ на платье и краснымъ платкомъ на голову. Агафья тоже любила ярко и пестро одѣться, но ей еще не было и сорока лѣтъ, а Авдотьюшкѣ за пятьдесятъ перевалило, почему Агафья и считала себя вправѣ за-глаза осуждать Авдотью въ разговорахъ съ няней, которая, потерявъ всѣхъ своихъ сродниковъ, всегда ходила въ темныхъ, большею частью черныхъ, каленкоровыхъ платьяхъ.

Этими лицами ограничивался нашъ комнатный штатъ прислуги, къ которому причислялась и Авдотья, потому что все свободное время проводила въ дѣвичьей и мыла полы по субботамъ у насъ въ домѣ.

Если нянѣ или Агафьѣ случалось быть въ комнатѣ матери или бабушки и заслышать шаги отца, то онѣ тотчасъ же пускались въ бѣгство, чтобы баринъ не засталъ ихъ не на своемъ мѣстѣ. Отецъ всегда дома ходилъ въ пестромъ халатѣ, пріобрѣтенномъ у татаръ, и въ мягкихъ спальныхъ сапогахъ, которыми онъ шаркалъ по-полу, не поднимая ногъ, чѣмъ походка его отличалась отъ другихъ и ее слышно было издали, а также и по острому запаху табаку узнавалось его

приближеніе. Въ свободное время, когда онъ бывалъ не въ полѣ и конторѣ, онъ буквально не выпускалъ трубки изо рта; чубукъ былъ длинный предлинный и касался до пола, когда отецъ курилъ сидя. Большею же частью онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Отчего и мы, и прислуга боялись отца? Я никогда не слыхала, чтобы онъ сердился или кричалъ на кого нибудь; вообще онъ не проявлялъ себя такъ, чтобы возбуждать чувство страха.

Правда, онъ былъ на видъ строгъ, угрюмъ, никогда не обращался съ привѣтомъ, не ласкалъ насъ; я думаю, онъ просто не умѣлъ ласкать, сказать добраго слова, но вѣдь изъ этого еще не слѣдуетъ, что онъ не умѣлъ любить. У меня осталось такое представленіе, что онъ очень любилъ мать, на сколько умѣлъ — цѣнилъ ее, и всегда относился къ ней и къ бабушкѣ, своей тещѣ, съ уваженіемъ.

Бабушку я помню старенькой, сморщенной, съ прищуренными глазами; они у нея тогда уже плохо видѣли, почему, говорила старушка, она и нюхала табакъ, въ который для запаха клала листы калуфера изъ нашего садика. У бабушки была страсть къ табакеркамъ; когда, бывало, отецъ ѣхалъ въ губернскій городъ, онъ спрашивалъ: — «а вамъ, маменька, чего привезти?»

— Да чего мнѣ, старухѣ, нужно? развѣ табакерочку привези. Это говорилось когда у бабушки

ихъ уже насчитывалось до дюжины всевозможныхъ видовъ; а нюхала она все-таки изъ самой простой табакерки, — она была изъ бересты, въ видѣ кузовка. Маму нашу бабушка любила до страсти, «души въ ней не чаяла», говорила няня, и вѣрила въ свою Сашу какъ во что-то, совсѣмъ не похожее на другихъ людей; въ ея глазахъ все, что̀ ни скажетъ Саша — было умно, что̀ ни сдѣлаетъ — прекрасно. И любила же бабушку мама, берегла ее, лелѣяла, угождала ей во всемъ. Любви хватало у мамы на всѣхъ и на все; не даромъ и мы, и всѣ поспѣловскіе любили ее до обожанія. Мы съ братомъ такъ всегда любовались на мать; такъ она и все въ ней намъ казалось привлекательнымъ, что никто бы не могъ убѣдить насъ, что есть кто нибудь на свѣтѣ красивѣе мамы. Думаю, что и бабушка такъ же на нее смотрѣла. Ростъ, бѣлизна, румянецъ, чудная темная коса и глаза, большіе, добрые, ласковые, — все было такъ хорошо у мамы, какъ ни у кого другого. Мать всегда носила ситцевыя платья, свѣтлыя, чистыя, совсѣмъ гладкія и онѣ такъ шли ей, потому что вся она была до нельзя проста и, мнѣ кажется, нарядъ ей не былъ бы къ лицу. Она любила простоту во всемъ, и у насъ въ домѣ не было даже мягкой мебели, кромѣ большого кожанаго кресла, съ высокой спинкой, въ комнатѣ бабушки, гдѣ, помню, мама позаботилась устроить ей лежанку, на которой старушка часто̀ леживала и грѣла свои старыя ко-

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
№ ..... 193 г.

сточки; топили ея комнату жарче всѣхъ, потому что бабушка любила тепло и поговорку: «паръ костей не ломитъ» — приходилось часто отъ нея слышать. Внучатъ бабушка баловала и нерѣдко зазывала насъ съ собою въ кладовую, гдѣ было много всякаго добра для насъ неинтереснаго, но водились и ящики съ пряниками, леденцами, пастилой, фруктами и другими сластями, которыми насъ щедро надѣляла бабушка.

— Ну, Оленька, держи передничекъ... вотъ такъ, смотри крѣпче держи, — говорила баловница-бабушка, запускала руку то въ одинъ ящикъ, то въ другой и сыпала пригоршнями мнѣ въ передникъ такія блага, что у меня слюнки текли.

— А теперь ты, Леля, подыми полы рубашенки... сейчасъ и тебѣ всего дамъ. Ты не разсыпешь, знаю, ты малый не промахъ.

Мы обыкновенно дѣлились гостинцами на лугу съ дѣтьми; къ этому насъ пріучила мать и мы привыкли дѣлиться охотно; какъ завидятъ ребята насъ съ ношей, такъ и бѣгутъ намъ на встрѣчу и прыгаютъ отъ радости вокругъ насъ.

Отъ крестьянъ часто приходилось слышать: — Охъ, Оленька, кабы ты да въ мамашу свою выросла! Хорошо бы было!

Моя мать, какъ я поняла впослѣдствіи, была дѣйствительно поразительнымъ исключеніемъ въ то время сороковыхъ годовъ, когда крѣпостничество было въ

полной силѣ. Она была свѣтлымъ явленіемъ среди грубаго самовластія и насилія тогдашнихъ помѣщиковъ, подъ гнетомъ которыхъ влачилъ жизнь русскій крестьянинъ въ положеніи раба, забывая даже о томъ, что и онъ человѣкъ.

Какъ развился въ ней тотъ неисчерпаемый запасъ гуманности; откуда выработались то здравое пониманіе отношеній къ меньшей братіи и та истинная доброта, въ обширномъ значеніи слова, какими обладала она? Много разъ я задавала себѣ этотъ вопросъ.

Позднѣе въ жизни мнѣ часто указывали на людей, которые слыли добрыми. По воспоминаніямъ о матери это свойство всегда интересовало меня, но когда я всматривалась ближе въ этихъ добрыхъ людей, то дѣла ихъ—въ сравненіи съ проявленіями моей матери — казались мнѣ или блѣдными и ничтожными, или въ нихъ являлись подкладкой: самолюбіе, желаніе показать себя, а еще чаще просто тряпичность характера. Родной типъ жилъ во мнѣ такъ ясно, что параллель всегда была у меня подъ рукой. Я по убѣжденію ставила высоко свойство доброты, доходящей до самоотверженія и, можетъ быть ошибочно, отводила ему первенствующее мѣсто при характеристикѣ людей, съ которыми приходилось сталкиваться. Сухой умъ, безъ сердца, не увлекалъ меня.

У матери былъ другъ, Надежда Николаевна Соколова; съ ней одной мать была вполнѣ откровенна,

дѣлилась каждымъ впечатлѣніемъ, радостнымъ и тяжелымъ, изъ прошлаго и настоящаго.

Надежда Николаевна знала подробности ея дѣтства и прежней жизни съ мужемъ.

Изъ позднѣйшихъ разсказовъ бабушки и записокъ Надежды Николаевны, которыя писались для меня, я знаю правдивую исторію нашей семьи до той поры, когда я стала давать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило вокругъ меня.

II.

Полянскіе, родители моей матери, жили въ уѣздномъ городѣ, одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ отъ губернскаго, въ средней полосѣ Россіи. Кромѣ уѣзднаго училища въ К* не было ни одной школы. Полянскіе не дали дочери ни образованія, ни воспитанія; ни одной книги она не видала въ домѣ родительскомъ, кромѣ молитвослова и святцевъ, по которымъ мать выучила Сашу читать и писать. Дѣвочка росла и развивалась самостоятельно, наблюдать за ней было некому. У дѣдушки и бабушки бывало жалкое общество уѣзднаго города, которое отличалось полнымъ невѣжествомъ и допотопными взглядами на жизнь.

Умныхъ рѣчей, гуманныхъ теорій Сашѣ конечно въ этой средѣ слышать не приходилось.

Четырнадцати лѣтъ ее просватали за пріѣзжаго офицера, Ивана Васильевича Корнилова, который явился къ К* на побывку къ своему старику-отцу. Саша была совсѣмъ ребенокъ; ей хотѣлось еще играть въ куклы; ихъ она, страхъ какъ, любила, и съ ними не могла до-сыта наговориться, а ей ужъ жениха подыскали.

Интересно было бы подслушать ея разговоры съ куклами, этими уродливыми деревяшками топорной работы, которыя пріобрѣтались въ то время разъ въ году на большомъ базарѣ жалкаго уѣзднаго городишки. Нѣсколько куколъ матери сохранила бабушка и я ихъ у нея видѣла.

Очень можетъ быть, что уже тогда изъ разговоровъ съ куклами можно было бы судить о томъ, что̀ вырабатывается изъ маленькой Саши; Еленѣ Петровнѣ некогда было слѣдить за бесѣдами дочери съ куклами; никто въ домѣ не обращалъ на нее никакого вниманія.

Дѣдушка, мужъ Елены Петровны, былъ порядочный самодуръ, держалъ жену, какъ говорятъ, въ ежовыхъ и она цѣлыми днями хлопотала по хозяйству, и въ кухнѣ, и въ домѣ; каждую пылинку сдувала Елена Петровна сама въ кабинетѣ и гостиной, гдѣ обыкновенно сиживалъ мужъ и была поглощена одной мыслью: какъ бы не прогнѣвить чѣмъ нибудь грознаго

Ивана Терентьевича. Она постоянно ходила на цыпочкахъ, говорила съ прислугой и гостями въ полголоса и даже какъ будто дышала сдержанно, потому что Иванъ Терентьевичъ прежде всего любилъ тишину, пуще всего берегъ свою особу, дорожилъ своимъ покоемъ и требовалъ полной покорности отъ окружающихъ. Этотъ маленькій сѣденькій старичекъ, юркій, подвижной, съ вѣчно-бѣгающими глазами, давалъ полную волю своему сварливому нраву, вертѣлъ всѣмъ домомъ и мудрилъ надъ женой не стѣсняясь. Не даромъ утратилось въ ней всякое чувство самостоятельности и остались отъ Елены Петровны, однѣ кожа да кости. Высокая, худая, съ обострившимися чертами лица, съ потускнѣвшими, когда-то красивыми, глазами бродила она неслышно по дому, какъ тѣнь.

— Пора Сашу замужъ отдавать,—сказалъ рѣшительно Иванъ Терентьевичъ женѣ въ одинъ несчастный вторникъ, вставъ по обыкновенію рано и выспавшись всласть; по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ онъ никакихъ рѣшеній не принималъ, эти дни считались у него тяжелыми.

Бабушка вздрогнула, открыла было ротъ, но слова замерли у нея на устахъ и она, молча, съ ужасомъ, глядѣла на своего повелителя.

— Что глядишь; чего глаза вытаращила? Или думала, что тебя спрашивать станутъ? Слова, что ли, сказать не умѣешь? Молчать!

Дѣдушка продолжалъ бы еще самодурствовать, если бы не вошелъ старикъ Корниловъ.

При видѣ его Иванъ Терентьевичъ тотчасъ смирился и встрѣтилъ Корнилова, на сколько умѣлъ, привѣтливо.

— Раненько, раненько пожаловали, добрѣйшій Василій Кондратьевичъ; присядьте къ самоварчику, выпейте съ нами чайку.

Дѣдушка съ бабушкой садились за утренній чай.

— Здравствуйте, батюшка Иванъ Терентьевичъ; честь имѣемъ кланяться Еленѣ Петровнѣ,—говорилъ старикъ Корниловъ, привѣтствуя хозяевъ и усаживаясь около Ивана Терентьевича.

— Я по нашему дѣльцу, дорогой; хотѣлъ пораньше, чтобы никто не помѣшалъ; мой Иванъ согласенъ, я съ нимъ говорилъ, она ему въ церкви приглянулась. Только откладывать не нужно; молоды оба; еще, чего добраго, вдругъ артачиться станутъ.

Елена Петровна совсѣмъ обмерла; дѣло, значитъ, у стариковъ слажено, а бабъ и спрашивать не станутъ.

— Молодецъ вы, Василій Кондратьевичъ; люблю такихъ. Ну, братъ, поцѣлуемся. Вотъ такъ!

Еленѣ Петровнѣ велѣно было кланяться Василію Кондратьевичу и позвать дочь.

Сашу всегда требовали въ гостиную при появленіи гостей, и ей обязательно было высиживать тамъ все

время, пока гости не уйдутъ. Бо̀льшаго наказанія нельзя было для нея придумать; гости всѣ до одного были крайне скучны, а Саша порядочная дикарка.

Робко вошла она въ кабинетъ отца, а при видѣ строгой фигуры Василія Кондратьевича и вовсе смутилась.

Будущій свекоръ пытливо и не безъ удовольствія осмотрѣлъ невѣсту: стройная, высокая, румянецъ во всю щеку, темная, густая коса хоть-куда, а глаза.... глазъ такихъ никогда онъ не видывалъ: большіе, темно-каріе и такіе мягкіе, такъ ласково они смотрятъ, прямо въ душу глядятъ, всякого покорить могутъ. И ей еще нѣтъ пятнадцати, а что будетъ когда Саша совсѣмъ разовьется!

У Ивана Терентьевича глаза забѣгали пуще обыкновеннаго при видѣ одобрительныхъ взглядовъ, которыми Корниловъ награждалъ Сашу.

Покорно выслушала она отцовскую волю. Больше отъ нея ничего и не требовалось. Но выйдя изъ комнаты, гдѣ она услышала роковую для себя вѣсть,— она залилась слезами, смутно понимая, что ей предстоитъ что-то ужасное; что ее разлучатъ съ матерью, которую она любила, потому что ничего дурнаго отъ нея не видала и знала ее угнетенной и несчастной; что ее куда-то увезетъ какой-то чужой офицеръ. «Господи, зачѣмъ она ему? *Онъ* ей не нуженъ». И она бросилась къ своимъ кукламъ, начала лихорадочно

разговаривать съ ними, вѣрно дѣлилась своимъ горемъ, а слезы ручьями лились съ ея щекъ на платье, передникъ, и въ такомъ видѣ застала ее мать.

Поплакали вмѣстѣ. Участь Саши была безвозвратно рѣшена. Сталъ ходить женихъ каждый день и по два раза на дню. Саша запиралась отъ него съ куклами и бесѣда съ ними шла оживленнѣе прежняго — потому-ли, что Саша изливала имъ свое первое горе, потому-ли, что она сознавала, что играть съ ними придется ей ужъ не долго.

Угрюмый видъ Ивана Васильевича наводилъ невольный страхъ на Сашу; взглядъ его былъ какъ-то сухъ и обращеніе не ласковое. Фигурой онъ очень напоминалъ своего отца: роста выше средняго, плотный, широкоплечій — онъ казался гораздо старше своихъ лѣтъ. Елена Петровна съ трудомъ могла достучаться, чтобы Саша отперла дверь своей комнаты и пустила жениха на свиданье. Онъ подсмѣивался надъ ней, стыдилъ ее ребячествомъ, даже обижался, говорилъ, что куклы всѣ нужно вонъ выбросить.

Саша краснѣла, склоняла стыдливо головку, а разъ даже не вытерпѣла и заплакала. Женихъ въ свою очередь растерялся, огорчивъ невѣсту и поспѣшилъ уйдти, сказавъ будущей тещѣ:

— Ужъ скорѣй бы свадьбу, маменька.

Дошло дѣло и до свадьбы.

Нарядили Сашу какъ умѣли; всѣ находили, что

вѣнчальный нарядъ былъ ей къ лицу, хвалили ее, красавицей называли, но ей было не до того чтобы любоваться собой; она одѣвалась, двигалась, отвѣчала на вопросы какъ-то машинально и лицо ея было не по лѣтамъ задумчиво.

Во время обряда у Ивана Васильевича былъ особенно торжественный видъ, можетъ быть благодаря военному мундиру; онъ стоялъ подъ вѣнцомъ выпрямившись, но съ потупленнымъ взоромъ. Саша усердно молилась; въ глазахъ ея было выраженіе какого-то страха, и разлука съ матерью и отцомъ была такова, что прошибла слезу даже у самого Ивана Терентьевича, чего за нимъ никогда не водилось.

III.

Уѣхали молодые въ полкъ.

— Иванъ Васильевичъ оказался человѣкомъ незлобивымъ, — разсказывала мнѣ впослѣдствіи бабушка; — Саша привыкла къ нему.

Нѣсколько лѣтъ спустя умеръ старикъ Корниловъ; послѣ него остались деньги; Иванъ Васильевичъ, его единственный наслѣдникъ, вышелъ въ отставку, ку-

пилъ за безцѣнокъ имѣніе въ К*—мъ уѣздѣ, по сосѣдству съ Иваномъ Терентьевичемъ и Еленой Петровной, чѣмъ Саша была крайне довольна.

— Исхудалая такая пріѣхала Саша; ни на что не жаловалась; только полковая жизнь не по ней пришлась;—вотъ все, чего я могла добиться отъ бабушки о жизни матери и отца въ полку.

Остальное я почерпнула изъ записокъ Надежды Николаевны.

Сплетни и ссоры полковыхъ барынь не занимали Александру Ивановну; самая полковая жизнь не давала ей никакихъ интересовъ; дѣтей у нея не было, хозяйство маленькое и жить было скучно.

Полное отсутствіе дѣла сослужило Александрѣ Ивановнѣ хоть ту службу, что она пристрастилась къ чтенію и прочла буквально все, хорошее и плохое, что только нашлось у полковыхъ изъ литературы того времени. То, что ей казалось интереснымъ она перечитывала не одинъ разъ. Научилась она также четыремъ правиламъ арифметики и была этимъ очень довольна: считала она замѣчательно быстро.

Очень хотѣлось Корниловой въ деревнѣ пожить, много ей про ту жизнь одна дама въ полку поразсказала, и радехонька была Александра Ивановна, что дорвалась до деревни.

Крестьяне оказались совсѣмъ разоренными; прежній владѣлецъ Поспѣловки промотался на кутежахъ и

картахъ, и дралъ съ своихъ крѣпостныхъ все, что могъ и чѣмъ могъ: и трудомъ, и скотомъ и деньгами. Земельное хозяйство было въ страшномъ запущеніи, амбары и гумна пусты; скотъ распроданъ; изъ барскаго дома все мало-мальски приличное, цѣнное вывезено.

— Каковъ гусь! — говорилъ Иванъ Васильевичъ. Ни дать, ни взять какъ послѣ непріятеля въ военное время; все расхитилъ, разграбилъ, ничего не пожалѣлъ.

— Ничего не пожалѣлъ — это еще не бѣда, — замѣчала Александра Ивановна, а что никого не пожалѣлъ — вотъ что ужасно! Народъ жаль, страхъ какъ жаль; просто сердце сжимается, глядя на нихъ.

Поспѣловскіе крестьяне изнуренные, голодные, полураздѣтые, чуть не въ лохмотьяхъ, производили потрясающее впечатлѣніе; они явились первой заботой Александры Ивановны и отъ нихъ ей нерѣдко случалось не спать по ночамъ.

Иванъ Васильевичъ усердно занялся сельскимъ хозяйствомъ какъ умѣлъ, совѣтовался съ сосѣдними помѣщиками, уже опытными хозяевами. Онъ весь былъ поглощенъ лично *своимъ* хозяйствомъ, *своими* интересами: «какъ бы такъ посѣять, чтобъ побольше пожать»; о безотрадномъ положеніи крестьянъ ему и въ голову не приходило безпокоиться. Въ его глазахъ они были рабочія руки, которыя отбывали три дня барщины въ недѣлю, а затѣмъ мысль о нихъ не занимала

его вплоть до слѣдующихъ трехъ дней повинности, когда ему опять приходилось съ ними сталкиваться воочію. На такихъ взглядахъ онъ выросъ.

Александра Ивановна не сразу поняла эту черту въ мужѣ; она приписывала его равнодушіе къ крестьянамъ неумѣнью взяться за дѣло, найдти время подумать и о себѣ, и о нихъ. Когда же собственное барское хозяйство болѣе или менѣе наладилось, а крестьянская нужда все оставалась въ сторонѣ — Александра Ивановна не разъ заговаривала объ этой своей заботѣ съ Иваномъ Васильевичемъ и старалась пробудить въ немъ участіе къ этимъ несчастнымъ, которые жили у него на глазахъ.

— Ваня,—говорила она,—теперь у тебя, слава Богу, все пошло на ладъ; и въ полѣ хорошо, и скотомъ обзавелся. А какъ ты съ ними будешь, съ чего начнешь?

И при этомъ она указывала въ окно на деревню.

— Съ кѣмъ, съ ними?—спрашивалъ Иванъ Васильевичъ, какъ бы не понимая о комъ идетъ рѣчь.

— Съ поспѣловскими, Ваня; вѣдь они...

— Ахъ, я и забылъ отдать приказаніе насчетъ...— прерывалъ ея рѣчь мужъ и поспѣшно удалялся.

Александра Ивановна сначала недоумѣвала и при первомъ случаѣ возобновляла тотъ же разговоръ, приступая прямо къ дѣлу.

— Ваня, пора тебѣ приняться за крестьянскую нужду; помоги ты имъ; сжалься надъ ними.

— Погоди, Саша, мнѣ некогда, я сейчасъ...—и Иванъ Васильевичъ опять исчезалъ, оставляя смущенную Александру Ивановну.

Наконецъ она рѣшилась сдѣлать нападеніе на мужа за обѣдомъ, хотя Иванъ Васильевичъ не любилъ дѣловыхъ разговоровъ во время принятія пищи.

— Поспѣловскихъ всѣ нищими зовутъ; неужели тебѣ это не тяжело, Ваня, что ты все не соберешься ихъ устроить? Просто кусокъ въ горло не идетъ, когда рядомъ такимъ же людямъ ѣсть нечего.

— Такимъ же людямъ?—медленно и выразительно растягивая слогъ за слогомъ, повторилъ Иванъ Васильевичъ.

— Что ты, Саша, зачѣмъ Господа Бога гнѣвишь? мы должны благодарить Создателя, что родились дворянами, а не мужиками; а ты говоришь: *такимъ-же* людямъ! Ихъ дѣло черное и судьба имъ другая дана отъ Бога. Такое предопредѣленіе свыше и они должны быть тѣмъ, чѣмъ Господь имъ предназначилъ; имъ съ нами равняться не приходится. Ну, да теперь дай мнѣ поѣсть спокойно. Ты знаешь, я до лишнихъ разговоровъ за обѣдомъ не охотникъ.

Александра Ивановна сильно огорчилась и призадумалась когда въ ней шевельнулось сознаніе, что тревога о нуждахъ другихъ недоступна Ивану Василье-

вичу. Эта мысль глубоко запала ей въ душу и обратилась для нея въ постоянную муку.

«Что же съ ними будетъ? кто имъ поможетъ поправиться?» думала она. Съ отцомъ я тоже говорила; онъ насмѣхается надо мной, дурой обзываетъ, говоритъ: «ужъ не прикажешь ли мнѣ съ себя снять да имъ отдать?» А вѣдь деньги у него есть, мамаша знаетъ; что бы ему дать: чего бы ему стоило подѣлиться съ ними.

Александру Ивановну убивала черствость мужа и отца и ея полное безсиліе облегчить участь такихъ же людей, какъ она. Александра Ивановна глубоко прониклась ученіемъ Христа. Любовь къ ближнему она понимала въ обширномъ смыслѣ и горячо отдалась ей при болѣе тѣсномъ сближеніи съ этой обдѣленной судьбой братіей, которая, по ея убѣжденію, имѣла одинаковое право съ нею быть сытой, одѣтой и согрѣтой.

Время шло; Иванъ Васильевичъ велъ свои дѣла по имѣнію прекрасно; сосѣди помѣщики прославляли его способности какъ хозяина и дивились его удачамъ; все онъ умѣлъ сдѣлать во-время: и посѣять, и убрать, и запродать. Онъ, видимо, былъ очень доволенъ собою и своими дѣлами; многіе въ уѣздѣ его знали, принимали любезно и тотчасъ отдавали ему визиты. Иванъ Васильевичъ узналъ себѣ цѣну; онъ какъ-то выпрямился, пріосанился, сталъ какъ будто выше ростомъ и въ

наружности его появилось что-то внушительное, даже немного самоувѣренное. До крестьянъ ли ему было.

На Александру Ивановну онъ однако распространялъ свое внутреннее и внѣшнее довольство: онъ привозилъ ей гостинцы изъ губернскаго города въ видѣ какого нибудь чепца, ковровой шали или матеріи на платье. Гостинцы эти конечно не могли удовлетворить Александру Ивановну, чего впрочемъ Иванъ Васильевичъ не замѣчалъ, какъ не замѣчалъ и поразительной перемѣны въ женѣ. Не стало у нея румянца на щекахъ, и въ глазахъ ея, кромѣ присущей имъ ласки и мягкости, появилась глубокая дума, придающая имъ еще бо̀льшую прелесть. Молчаливая, постоянно озабоченная жила она подлѣ мужа изо дня въ день, какъ бы подъ гнетомъ безъисходной тоски. Александра Ивановна не допускала и мысли, что поспѣловцамъ живется легче съ той поры какъ она подлѣ нихъ; ей казались такъ ничтожны ея помощь и участіе къ нимъ, а для нихъ — онѣ имѣли огромное значеніе. Поспѣловскіе привыкли, чтобъ съ нихъ брали, а теперь имъ только давали.

Все свободное время отъ домашнихъ хлопотъ Александра Ивановна посвящала крестьянскимъ нуждамъ: пряла, вязала, обшивала ихъ; ребятъ учила грамотѣ. Денегъ у нея не водилось, но чѣмъ только могла — она дѣлилась съ крестьянами и облегчала ихъ нужды. Чего только не неслось, безъ вѣдома Ивана Ва-

сильевича, съ барскаго двора на деревню: и мука, и крупа, молоко, квасъ, хлѣбъ, пряжа и шерсть, и бѣлье; а больнымъ чаю и сахару даже посылала Александра Ивановна и какого нибудь домашняго снадобья отъ недуга. Про всякую нужду она узнавала, про всякое горе у нея было доброе слово.

Но Александру Ивановну не могла удовлетворить та несущественная помощь, которую она называла затыканьемъ дыръ; не того ей хотѣлось; ей нужно было вырвать съ корнемъ зло, устроить каждой крестьянской семьѣ самостоятельную жизнь: чтобы каждый имѣлъ все необходимое, чтобы трудъ давалъ ему довольство, чтобы ему было чѣмъ прокормить свою семью, во что одѣть ее, чѣмъ истопить избу. Вотъ чѣмъ задавалась она и надъ чѣмъ безплодно ломала себѣ голову, на что тратила здоровье и нравственныя силы. Не мало тоже мучили Александру Ивановну пороки, съ которыми приходилось сталкиваться въ крестьянской средѣ, особенно пьянство и воровство, хотя она всякому проступку находила извиненіе и причину: то нужда, то горе или дурной примѣръ служили у нея оправданіемъ. Въ Александрѣ Ивановнѣ всѣ и всегда находили заступничество и ей часто приходилось вымаливать у мужа прощеніе кому-нибудь изъ поспѣловцевъ; если, по мнѣнію Ивана Васильевича, вина была немаловажная, онъ долго не поддавался и у Александры Ивановны исчерпывались всѣ доводы, чтобы

доказать мужу несправедливость наказанія и убѣдить его, что не такими мѣрами можно предотвратить зло.

Крестьянамъ она старалась втолковать какія пагубныя послѣдствія даетъ нетрезвая жизнь и какое безчестное дѣло—присваивать себѣ чужое. Въ Поспѣловкѣ не было церкви; за пять верстъ ходили крестьяне къ обѣднѣ по воскресеньямъ; вечерами въ субботу собирала ихъ у себя Александра Ивановна въ единственной большой комнатѣ барскаго дома, разсказывала имъ о жизни Христа, объясняла заповѣди и многое изъ Св. Писанія, находя устную передачу для нихъ доступнѣе чтенія. Они слушали ее съ благоговѣніемъ и уходили отъ нея съ твердымъ намѣреніемъ поступать какъ она учитъ, какъ Спаситель завѣщалъ. Она убѣждала ихъ въ томъ, во что сама непоколебимо вѣрила, что Богъ услышитъ добрую молитву каждаго и рано или поздно дастъ ему просимое. Только этой вѣрой жила Александра Ивановна, въ ней находила успокоеніе и черпала увѣренность, что и ея молитва будетъ услышана.

IV.

Утромъ, въ воскресенье, самой ранней весной, прислала Елена Петровна лошадь за Сашей и наказъ, чтобы скорѣе ѣхала,—Ивану Терентьевичу плохо.

Александра Ивановна собиралась, какъ всегда въ праздничные дни, къ обѣднѣ. Ея чуткое сердце подсказало ей, что вѣсть недобрая, что пришелъ конецъ Ивану Терентьевичу, и она съ мужемъ черезъ нѣсколько минутъ садилась уже на старую долгушу, на которой часто ѣзжала въ дѣтствѣ.

Застали они еще старика въ живыхъ, а Елену Петровну въ страшномъ переполохѣ.

— Помоги, Саша, матушка, чѣмъ умѣешь, говорила она дочери, совсѣмъ растерянная.—Приказалъ Иванъ Терентьевичъ за докторомъ послать, да когда еще его сыщутъ.

— Мамаша, голубушка, я право не знаю, что дѣлать, какъ быть; много ли я смыслю и никогда не приходилось такого случая видѣть. Что вы чувствуете, папаша? обратилась она къ отцу.

Языкъ отказывался служить Ивану Терентьевичу и отвѣта нельзя было разобрать; глаза у него глядѣли какъ-то тупо, ни на комъ не останавливаясь.

— Велите принести льду, мамаша; я думаю, это хорошо; помнится, Павелъ Сергѣевичъ мнѣ говорилъ.

Старикъ заметался, видимо хотѣлъ что-то сказать; жена и дочь нагнулись близко къ нему. Иванъ Терентьевичъ съ большимъ трудомъ, чуть слышно, произнесъ: «простите», и скончался.

Елена Петровна начала громко рыдать; слышались отрывочныя слова: «покинулъ... одинешенька...

*

Господи... что дѣлать.. какъ вѣкъ доживать». Александра Ивановна тоже тихо плакала; Иванъ Васильевичъ, который все время молча стоялъ у постели больнаго, покачалъ головой и занялся необходимыми распоряженіями.

Саша увела мать въ другую комнату и уложила.

— Полноте плакать, голубушка, мамаша. Его Святая воля; нужно покориться, ласково говорила она.

— Ахъ, Саша, Саша, ну подумай ты, вѣкъ вѣдь вмѣстѣ прожили, а теперь... Елена Петровна опять захлебывалась слезами.—Ну что я буду дѣлать одна одинешенька?

— Что вы, мамаша, а я-то? Вы не одна. Буду васъ покоить, родная моя; будемъ жить вмѣстѣ. Ваня, я знаю, станетъ звать васъ къ намъ.

Такъ и случилось; прямо съ похоронъ Корниловы увезли Елену Петровну къ себѣ въ Поспѣловку, гдѣ она скоро покорилась волѣ Божіей и успокоилась подлѣ своей Саши. Такой жизни старушка и во снѣ не видывала; Александра Ивановна доставляла ей всѣ возможныя удобства, предупреждала малѣйшія ея желанія, покоила ее какъ только умѣла и не скупилась на ласку къ матери.

— Вотъ, маменька,—говорилъ какъ-то Иванъ Васильевичъ, который всегда почтительно относился къ тещѣ,—видите какъ живемъ-поживаемъ да добра на-

живаемъ; все, конечно, съ помощью Господа такъ пошло у меня.

— Вѣрно, Иванъ Васильевичъ; безъ воли Его ни одинъ волосъ не падетъ съ головы человѣка.

— Я и хочу отблагодарить Господа за Его милости, хочу въ Поспѣловкѣ храмъ построить. Шутка ли мужикамъ за пять верстъ въ чужое село въ церковь ходить.

— Дѣло доброе, батюшка; кто можетъ хоть слово противъ этого молвить. Перекреститесь, да и начинайте; коли задумали—не откладывайте. Господь сторицею воздастъ вамъ за угодное Ему дѣло.

— Да и этотъ Подошниковъ кичится, важничаетъ, что мы къ нему въ храмъ молиться ѣздимъ, еле руку подаетъ; всѣ мнѣ здѣсь пріятели, только съ нимъ мы какъ-то не поладили. Дрянь—человѣкъ, завистникъ, кляузникъ.

— Саша-то какъ рада будетъ какъ свой храмъ выстроите, — замѣтила Елена Петровна; — особливо въ распутицу, сколько недѣль народъ безъ молитвы, когда Бурая разливается.

Александра Ивановна вошла на эти слова и переспросила чему ей придется радоваться. Елена Петровна повторила разговоръ. Александра Ивановна промолчала.

— Ты что же, Саша, молчишь? спросилъ Иванъ Васильевичъ.—Я не шучу, не пустыя слова говорю; я выстрою у насъ церковь.

— А я говорю ему; пусть начинаетъ, не откладываетъ добраго дѣла, — добавила Елена Петровна. — Правда вѣдь, Саша?

— А я думаю, маменька, что нужно крестьянъ обстроить, на ноги ихъ поставить, скотомъ обзавести; это ужъ конечно не менѣе Богу угодное дѣло — столько народу осчастливить. Пусть бы Ваня это сдѣлалъ; какъ-бы самому-то ему легко на сердцѣ стало; ужъ о нихъ, обо всѣхъ, и говорить нечего.

Лицо Александры Ивановны оживилось при одной мысли о возможности убѣдить въ этомъ мужа и волненіе вызвало легкій румянецъ на ея щекахъ.

— А потомъ и храмъ выстроишь, Ваня, съ лаской въ голосѣ закончила она и, подойдя къ мужу, обняла и поцѣловала его.

Иванъ Васильевичъ молчалъ; его маленькіе сѣрые глаза выражали удивленіе. Ни Елена Петровна, ни онъ и въ умѣ не имѣли такихъ рѣчей со стороны Саши. Она, такая заботливая въ распространеніи религіи среди крестьянъ, обмолвилась что ли она? Неужели же это она сказала: избы строить надо, а не церковь? Бабушка тоже призадумалась; она привыкла вѣрить, что Саша говоритъ правильно, какъ быть должно. Неужели же и то вѣрно, что для Бога избы крестьянскія угоднѣе храма будутъ? Иванъ Васильевичъ вышелъ изъ комнаты не глядя на жену. Елена Петровна и Александра Ивановна не возобновили разговора.

V.

Нѣсколько недѣль спустя Поспѣловку постигло неожиданное бѣдствіе: ночью, когда всѣ спали, загорѣлись барскій домъ, сараи и конюшня. Сторожъ что̀ есть силъ застучалъ въ доску; на деревнѣ проснулись; все бросилось къ усадьбѣ спасать господское добро. Иванъ Васильевичъ ужасно перепугался, — выскочилъ въ халатѣ; на одной ногѣ у него былъ спальный сапогъ изъ краснаго сафьяна, на другой черный; онъ бережно несъ какой-то деревянный кружокъ, считая его своей денежной шкатулкой и весь дрожалъ.

Елену Петровну вели подъ руки двѣ дворовыя дѣвушки; она была совсѣмъ растерянная, волоса растрепанные, ноги подкашивались; жалко было смотрѣть на старушку.

Александру Ивановну нашли въ спальнѣ; она сидѣла въ углу и обувалась очень медленно; спальня была уже объята пламенемъ. Одинъ смѣльчакъ-крестьянинъ, узнавъ, что тамъ Александра Ивановна, вскочилъ въ окно, снялъ съ себя зипунъ, накинулъ на нее и, схвативъ ее въ охапку, бросился обратно черезъ то же окно, сквозь пламя, на улицу съ своей дорогой ношей. Онъ получилъ сильные обжоги; Александра Ивановна осталась невредимой.

Пока всѣ возились около дома — занялась съ обоихъ концовъ и деревня, и можно, почти безъ преувеличенія сказать, что не успѣли оглянуться какъ не стало Поспѣловки; пламя жадно поглощало избу за избой, быстро перебрасываясь съ помощью вѣтра съ одной соломенной крыши на другую; избы сыпались какъ карточные домики и отъ всего вскорѣ остались груды пепла и клубы чернаго дыма.

Барскаго дома тоже, конечно, не отстояли; никакихъ приспособленій для этого не было; бѣгали съ ведрами къ колодцамъ за водой и одинъ мѣшалъ другому усердіемъ наполнить скорѣе свое ведро и раньше добѣжать съ нимъ на пожарище.

Всѣ остались безъ крова; на помощь явились крыловскіе крестьяне и предложили пріютъ поспѣловскимъ.

Вѣсть о несчастіи, постигшемъ Корниловыхъ, разнеслась по всей губерніи. Добра погибло столько, что и не перечесть; двѣнадцать лошадей сгорѣло только на конюшнѣ барскаго двора; ржали онѣ, бились въ стоилахъ, а вывести ихъ не было никакой возможности, не шли да и только; сколько сундуковъ обратилось въ пепелъ со всѣмъ, что въ нихъ было; остался только барскій хлѣбъ на гумнѣ да въ амбарахъ и ригѣ, выстроенныхъ поодаль отъ усадьбы. Крестьяне изъ своего не спасли ни нитки.

Добрались и до истинной причины бѣды; это былъ поджогъ, и ни кто другой какъ Подошниковъ подку-

пилъ одного бродягу, а тотъ ловко справился съ дѣломъ, за которое взялся. Подошниковъ хотѣлъ отвлечь Ивана Васильевича отъ постройки церкви; ему было выгодно, чтобы Поспѣловка числилась въ его приходѣ; такимъ образомъ содержаніе и ремонтъ церкви не стоили ему ни копѣйки; прихожанами все окупалось; и кабаку, который онъ самъ держалъ у себя въ селѣ, было доходно; туда заходили поспѣловцы погрѣться послѣ обѣдни и оставляли тамъ не одну копѣйку, а иной мужичекъ выпивалъ на послѣднее, что было въ мошнѣ. Да и не по-сердцу пришлось Подошникову возвеличеніе Ивана Васильевича и баловство сосѣднихъ крестьянъ Александрой Ивановной. Онъ и задумалъ нанести Корниловымъ такой ударъ, отъ котораго долго не опомниться.

Все это выяснилось. Пріѣзжали въ Поспѣловку становой и исправникъ. Губернатору донесли, что пожаръ произошелъ отъ неосторожности съ огнемъ.

Сосѣди-помѣщики звали Корниловыхъ поселиться у нихъ пока выстроятся, но Александра Ивановна упросила мужа не принимать предложенія; ей не хотѣлось оставлять своихъ погорѣльцевъ; имъ было такъ жутко, хоть съ сумами идти по-міру просить. Иванъ Васильевичъ согласился нанять въ Крыловкѣ чистую избу въ двѣ горницы, и тамъ же съ ними поселилась Елена Петровна.

Иванъ Васильевичъ былъ страшно убитъ и не зналъ какъ быть, какъ справиться съ бѣдой. Александра Ивановна бродила какъ тѣнь и думала свою думу; она ходила по своимъ крестьянамъ, заботилась о нихъ какъ могла и ободряла ихъ словомъ; она просила крыловскихъ мужиковъ ихъ кормить, дать кому нужно одежду, обѣщала за все заплатить. Особенно много ребятъ осталось въ однѣхъ рубашенкахъ, едва успѣли со сна выскочить изъ избъ во время пожара. Нѣсколько разъ на дню она навѣщала Андрея, своего избавителя, и лечила его: обжоги у него были значительные и очень болѣзненные; Александра Ивановна усердно ходила за нимъ. Елена Петровна измучилась, глядя на свою Сашу, которая не могла ни спать, ни ѣсть; еще кашель къ ней привязался, и худѣла она не по днямъ, а по часамъ; мать стала бояться, что Саша изведется совсѣмъ; чего добраго, не переживетъ горя.

— Ну чего ты такъ убиваешься, Саша? — утѣшала ее Елена Петровна. — Справитесь, выстроитесь и опять, Богъ милостивъ, все пойдетъ по старому. Вѣдь васъ только двое; кабы дѣти были — другое дѣло.

— Мамаша, да развѣ я о себѣ думаю? Много ли намъ нужно, — отвѣчала Саша и вдругъ залилась горькими слезами. — Мнѣ народъ жалко; я мѣста себѣ не нахожу; — въ голосѣ ея слышалось отчаяніе; — ума не приложу какъ быть съ ними. Ваня все про домъ говоритъ; гдѣ лѣсъ купить, какой строить, а про нихъ

молчитъ. Можетъ у него имъ на избы и денегъ нѣтъ. Знаю, что сколько-то у него осталось отъ покупки имѣнія, а сколько и гдѣ деньги — ничего не знаю. Шкатулка сгорѣла; все ли тамъ было, нѣтъ-ли — спросить не рѣшаюсь. Что-то ужъ больно мраченъ Ваня.

Мать молча выслушала Сашу и призадумалась. Всю эту ночь Елена Петровна провела безъ сна, обдумывая важное дѣло; долго не могла она справиться съ мыслями; то ей казалось, что такъ нужно поступить, чтобы спасти Сашу, то ей становилось страшно за свое рѣшеніе, страшно за себя. Эта нравственная борьба сильно ее утомила. Стало свѣтать когда она вздремнула не надолго и ей приснился Иванъ Терентьевичъ, онъ звалъ ее къ себѣ. Она проснулась убѣжденная, что этотъ сонъ пророческій и что жить ей недолго. Это обстоятельство рѣшило въ положительномъ смыслѣ тотъ вопросъ, который томилъ ее всю ночь; ей стало какъ будто легче, когда сомнѣніе совсѣмъ покинуло ее. Она встала бодрая, довольная, сняла съ себя большой ситцевый мѣшокъ, надѣтый на груди на широкой полотняной тесьмѣ, положила его подъ подушку, одѣлась, помолилась, взяла мѣшокъ, завернула его въ черный шерстяной платокъ и вышла съ нимъ изъ горницы въ сѣни. Тутъ она встрѣтила Сашу и вернулась съ ней вмѣстѣ опять въ свою горницу. У Елены Петровны лицо стало вдругъ какое-то торжественное.

— Вотъ, Саша, на̀ тебѣ;—она сунула ей въ руки платокъ съ мѣшкомъ. Тутъ все, что̀ мнѣ покойникъ оставилъ. Слава Богу, что на себѣ носила, а держала бы въ шкатулкѣ—сгорѣли бы, чего добраго.

Саша не поняла сразу въ чемъ дѣло и въ недоумѣніи держала свертокъ.

— Бери, голубушка; дѣлай съ нимъ, что хочешь; тутъ деньги. Авось теперь не будешь больше горевать; ужъ больно тошно мнѣ было смотрѣть на тебя. Все сердце изболѣло. Тутъ на всѣхъ тебѣ хватитъ. Ну, слава Богу, что отдала; мнѣ та̀къ легче; а то все думалось какъ быть. Охъ, Саша, Саша, мила ты мнѣ, хорошая ты у меня;—и крупная слеза скатилась по щекѣ Елены Петровны.

— Мамаша голубушка, родная, что вы это дѣлаете, зачѣмъ плачете?

Она крѣпко обняла и прижала къ себѣ свою старую мать, осыпая ее поцѣлуями. Все случившееся было такъ неожиданно для Александры Ивановны, что она не могла отдать себѣ отчета въ томъ переворотѣ, который повлечетъ за собой подарокъ матери.

— Сосчитай, голубка моя,—сказала Елена Петровна, нѣсколько успокоившись отъ волненія, вызваннаго лаской Саши.

— Мамаша, милая, не все ли равно сколько, мнѣ дорого, что это отъ васъ—имъ.

— Ну, будешь веселая теперь, Саша, да?—спрашивала мать.—Смотри, не задумывайся больше.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамаша; о чемъ мнѣ теперь горевать будетъ? Я только все въ толкъ не возьму какъ это такъ случилось; точно сонъ какой и мнѣ страшно проснуться. Спасибо, еще разъ, мамаша. Господи, какое счастье! Точно въ сказкѣ; никогда ничего такого мнѣ и въ голову не приходило. Пойду, Ваню порадую;—и, поцѣловавъ еще разъ мать, Александра Ивановна вышла.—Она жила съ мужемъ въ другой горницѣ, черезъ сѣни. Иванъ Васильевичъ ходилъ быстрыми шагами взадъ и впередъ. Онъ замѣтно измѣнился; лицо его осунулось; подъ глазами явились складки, въ усахъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ. Угрюмое настроеніе его не покидало; ему все хотѣлось быть одному; у него не было потребности дѣлиться своими мыслями съ женой и онъ все отсылалъ ее отъ себя погулять. Вдругъ дверь широко распахнулась и вбѣжала жена. Онъ продолжалъ ходить, не взглянувъ на нее. А передъ нимъ стояла преобразившаяся Александра Ивановна; глаза ея блестѣли и точно увеличились въ объемѣ; лицо сіяло какъ будто озаренное какимъ-то свѣтомъ; улыбка выражала ласку и во всемъ ея существѣ было непривычное оживленіе.

— Ваня, Ваня! погляди же на меня, какая я счастливая. Скажи, слава Богу! Ахъ, какъ хорошо жить на свѣтѣ!

Она схватила мужа за руку; онъ очнулся отъ думъ и посмотрѣлъ на жену. Глядѣлъ и не вѣрилъ. Неужели это она, Саша? откуда у нея все это взялось? Красивая, оживленная, счастливая, она казалась на десять лѣтъ моложе.

— Что съ тобой, Саша?

— Ваня голубчикъ, у меня есть деньги, мамаша дала. Теперь у тебя одна забота, о себѣ, объ усадьбѣ; поспѣловцамъ ничего не нужно; это все ихъ, указывала она на мѣшокъ; — это *имъ* мамаша дала; сами выстроятся, всѣмъ обзаведутся, — говорила она скороговоркой, сильно возбужденная неожиданными впечатлѣніями, стоя передъ ошеломленнымъ Иваномъ Васильевичемъ и держа его руку въ своей рукѣ.

Онъ едва понималъ въ чемъ дѣло, такъ все случившееся было для него странно, невѣроятно, такъ не похоже, наконецъ, на Елену Петровну.

— Сядь, Саша; сядь, разскажи толкомъ.

Сѣли, и Саша все толкомъ разсказала. Мужъ понялъ, что все это дѣйствительно произошло, но что старуха не отдала всего этого *Сашѣ*, самой Сашѣ, своей дочери, а мужикамъ — съ этимъ онъ никакъ не могъ примириться. Александра Ивановна повторила ему, что у него, у самого Ивана Васильевича, тоже пол-бѣды съ плечъ свалилось теперь, осталась одна забота о личныхъ своихъ дѣлахъ. Онъ расправилъ нахмуренныя брови и глубоко вздохнулъ пол-

ной грудью, какъ будто освободясь отъ тяжелой ноши не по силамъ; лицо его въ первый разъ послѣ бѣдствія приняло спокойное выраженіе. Онъ рѣшилъ не гнѣвить Бога, не завидовать мужикамъ, а то еще пошлетъ Господь ему какое-нибудь наказаніе за грѣхи.

— Ваня, я позабочусь обо всемъ для нихъ, соображу какъ *лучше*; впрочемъ, я ужъ столько раньше объ этомъ думала, что, кажется, все передумано. Ваня, скажи, что и ты радъ, просила она, ласково заглядывая ему прямо въ глаза.

— Ну, дай тебѣ Богъ, Саша, со всѣмъ справиться; ты такъ любишь съ ними возиться; да, теперь только держись; много тебѣ будетъ дѣла. Одного боюсь, что ты у меня народъ перебалуешь; бѣда это! тогда съ ними и ладу не будетъ... бунтовать начнутъ.

Но Иванъ Васильевичъ опять вспомнилъ про постигшую его напасть, которую онъ считалъ наказаніемъ отъ Бога за грѣхи его, и сдержался.

— Ну, да что заранѣе накликать,—сказалъ онъ въ заключеніе;—увидимъ, что̀ Богъ дастъ!

— Поцѣлуй же меня, Ваня; какъ я рада за нихъ, за тебя; теперь и ты будешь покоенъ, за дѣло примешься.

Александра Ивановна наклонила голову мужа къ себѣ и поцѣловала его.

— А теперь пойду, Ваня, скорѣе; оповѣщу всѣхъ, пусть радуются; полно имъ горевать.

Едва ли были потомъ когда нибудь въ жизни Александры Ивановны такія минуты, какъ тѣ, когда она совершала это оповѣщеніе. Ходя изъ избы въ избу радостнымъ вѣстникомъ, она, какъ говорится, земли подъ собой не чувствовала. А что было съ народомъ — того словами не выразить... Всѣ повыбѣгали изъ избъ подѣлиться другъ съ другомъ нежданной вѣстью и вскорѣ цѣлой толпой собрались поспѣловцы на улицѣ: ликовали, дивились, благословляли виновницу новой жизни для нихъ. Это была картина, достойная кисти художника.

Александра Ивановна, сдѣлавши столькихъ счастливыми, вернулась, сама счастливая, къ Еленѣ Петровнѣ, какъ къ дѣйствительному источнику общаго ликованья. и засыпала ее разсказами о впечатлѣніи добраго дѣла матери на крестьянъ.

Иванъ Васильевичъ продолжалъ шагать въ халатѣ по горницѣ, закуривъ трубку, и думалъ: «посмотрѣла ли Саша, что въ мѣшечкѣ? можетъ, такая малость, что и говорить не стоитъ, а она-то вообразила, что тамъ и не вѣсть сколько, и всѣмъ ужъ поразгласила.

Сомнѣніе это опять встревожило его и при первомъ появленіи жены онъ подѣлился имъ съ нею.

На дѣлѣ же оказалось, что въ мѣшечкѣ была, по тѣмъ временамъ, солидная сумма, которая дала возможность Александрѣ Ивановнѣ осуществить свои завѣтныя мечты на поспѣловцахъ.

VI.

Зажила Александра Ивановна новой жизнью и отдалась всецѣло наплыву новыхъ впечатлѣній, труда, заботъ. Она была неузнаваема; ея задумчивое лицо стало радостнымъ; въ глазахъ, полныхъ кротости и ласки, появился постоянный блескъ; отъ нея вѣяло счастьемъ, энергіей. Еще бы не быть ей счастливой! Явились средства въ полное ея распоряженіе; лично для нея онѣ не имѣли бы никакого значенія, но онѣ дали обильную пищу ея отзывчивому сердцу, послужили источникомъ безконечнаго для нея наслажденія — облегченія участи другихъ. Этотъ обнищавшій народъ—развѣ онъ не былъ ея больнымъ мѣстомъ, отъ котораго она не знала покоя; и это была не хроническая боль, съ которой свыкаются, нѣтъ; она, казалось, становилась съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе, острѣе, и средствъ противъ нея не предвидѣлось.

Елена Петровна не могла налюбоваться своей обновленной Сашей; подолгу стояла старушка на молитвѣ и, не смотря на преклонныя лѣта, (ей было семьдесятъ), клала много земныхъ поклоновъ на свой «молельный» коврикъ; она благодарила Господа за то, что Онъ внушилъ ей отдать деньги дочери еще при

жизни и тѣмъ облегчилъ душу ея, Елены Петровны, и осчастливилъ Сашу и поспѣловскихъ.

Иванъ Васильевичъ, весь поглощенный постройкой дома, былъ въ прекрасномъ настроеніи духа. Поспѣловцы тоже усердно строились; возили лѣсъ, клали срубы, работа у нихъ кипѣла и громкія пѣсни раздавались тамъ, гдѣ такъ недавно еще царствовало совершенное опустошеніе.

Александра Ивановна во все входила сама; она настояла, чтобы всѣ избы были выстроены на-бѣло, т. е. съ трубами, хлопотала о рабочихъ со стороны, чтобы все поспѣло въ-время, чтобы къ наступленію рабочей поры деревня отстроилась. Конечно, Александра Ивановна была во многомъ неопытна, но ей помогалъ хорошій совѣтчикъ, старый плотникъ изъ города, котораго она поселила у себя на все время постройки; онъ и лѣсъ ѣздилъ закупать, и за постройкой наблюдалъ. Александра Ивановна не хотѣла, чтобы крестьяне выстроились на скорую руку, «тяпъ-ляпъ», какъ она говорила. Зная слабость русскаго человѣка: не умѣть и о самомъ себѣ позаботиться, она усердно слѣдила, чтобы всѣ указанія Ивана Трофимыча — плотника, соблюдались въ точности. Онъ слылъ умѣлымъ, добросовѣстнымъ работникомъ.

Александрѣ Ивановнѣ не удалось убѣдить мужа строить свой домъ наемными людьми, а поспѣловскимъ предоставить вѣдать только свою стройку, освободивъ

ихъ отъ барщины на это время. Какъ она ни доказывала ему, что онъ долженъ это сдѣлать, что еслибы Елена Петровна не дала денегъ крестьянамъ, то ему пришлось бы имъ на избы лѣсъ покупать, и это обошлось бы несравненно дороже, чѣмъ теперь только наемъ плотниковъ для барскаго дома, — Иванъ Васильевичъ не согласился на это.

Мотивомъ отказа онъ приводилъ опасеніе, что народъ совсѣмъ избалуется; станутъ поспѣловскіе считать себя господами; а Саша тогда спохватится, когда ужъ мужики совсѣмъ никуда не будутъ годны, чего добраго, бунтовать начнутъ.

Пришлось Александрѣ Ивановнѣ нанимать плотниковъ для деревенской стройки. Иванъ Васильевичъ обходился своими мужиками. Не удалось ей также отстоять другого своего желанія: избы тесомъ покрыть. И слышать не хотѣлъ Иванъ Васильевичъ объ этомъ и усиленно крутилъ свои жесткіе усы, что̀ у него всегда было признакомъ неудовольствія.

— Я свой домъ крою соломой, а ты вонъ что̀ вздумала! возражалъ онъ, не принимая во вниманіе доводовъ жены, которая напоминала ему, какъ легко занималась отъ огня солома на крышахъ во время пожара.

Странное зрѣлище представляла изъ себя въ то время Поспѣловка: вездѣ были разбросаны шалаши, сколочены навѣсы и нѣчто въ родѣ сараевъ; всѣ эти

*

приспособленія служили кровомъ на ночь народу; семья Корниловыхъ также помѣщалась въ сараѣ; день же всѣ жили на улицѣ. Еленѣ Петровнѣ предлагали остаться въ Крыловкѣ, но старушка и слышать не хотѣла и переѣхала со своими образами, лампадой и коврикомъ на новоселье—въ сарай. Погода, на счастье погорѣльцевъ, баловала ихъ: стояли ясные солнечные дни, тепло, тихо. «Ну просто на рѣдкость деньки Господь посылаетъ; все ведро стоитъ», говорилъ народъ; «только работай, не зѣвай».

Въ довершеніе этой своеобразной картины горѣли поодаль отъ постройки костры и въ большихъ котлахъ варилась незатѣйливая пища крестьянамъ и господамъ.

Ни одной капли дождя не упало днемъ за все время стройки.

Молва о благоденствіи Поспѣловки обошла весь уѣздъ; всякій ее принялъ и объяснилъ по-своему. Стали ходить слухи, что Корнилова теща въ умѣ рехнулась; что и дочь-то не далеко отъ нея ушла, тоже тронута маленько. Кабы у нея въ головѣ все въ порядкѣ было—не стала бы она, барыня, съ мужичьемъ возиться; барское ли это дѣло съ чернымъ народомъ дружбу водить; кабы она въ здравомъ умѣ была—не то бы было; ну, старуха съ ума спятила и деньги на мужиковъ отдала, такъ она бы имъ и понюхать ихъ не дала, а прибрала бы себѣ къ рукамъ». Большинство

рѣшило, что теперь Богъ знаетъ что на свѣтѣ дѣлается, ничего не разберешь; должно быть и до конца міра не далеко.

Много шуму надѣлали поспѣловскія происшествія и въ сосѣднихъ уѣздахъ, и надолго заняли праздные умы провинціаловъ.

Всѣмъ Александра Ивановна казалась большой чудачкой. Ну какъ же не чудачка Корнилова, когда она надъ чужимъ добромъ распинается, а до своего ей и горя мало; все «какъ Ваня хочетъ; какъ онъ сдѣлаетъ—такъ и хорошо; много ли намъ нужно», отвѣчала она, когда рѣчь шла о какихъ-нибудь подробностяхъ въ постройкѣ барскаго дома.

Сосѣди-помѣщики пріѣзжали въ Поспѣловку навѣдываться, барыни вывѣдывать все отъ Александры Ивановны, что̀ имъ любопытно было знать, но она кратко передавала, что мать все отдала крестьянамъ.

— Господи!—ахали онѣ.—Про васъ-то ужъ нечего говорить, а Иванъ-то Васильевичъ чего глядѣлъ! Ну слыханное ли дѣло: мужикамъ наслѣдство отдавать! Вотъ ужасы-то! Да чтобъ мой Андрей Михайловичъ это допустилъ... никогда; Боже сохрани! Вѣдь они всѣ у васъ сопьются, вамъ же на шею сядутъ, развратъ пойдетъ... бунтовать станутъ...

— Еще перерѣжутъ васъ въ одинъ прекрасный день, — дополняла одна изъ кумушекъ, обладающая богатой фантазіей.

— Поживемъ, увидимъ,—спокойно отвѣчала Александра Ивановна.—А деньги были покойнаго отца, и Ваня не могъ идти противъ желанія мамаши; это не его добро.

— Да вѣдь Елена Петровна ужъ изъ ума выжила, такъ не резонъ ей потакать, по ея дудкѣ плясать,— раздражительно продолжала помѣщица.

— Напрасно вы такъ думаете; мать знала что дѣлаетъ.

Много, много приставали къ Александрѣ Ивановнѣ назойливыя кумушки и желали «поставить ей голову на мѣсто», какъ онѣ выражались. Убѣждали ее хоть не все тратить на мужиковъ, а приберечь кое-что и для своей семьи, про черный день, «почемъ знать, можетъ быть и дѣтки будутъ».

На всѣ эти толки и пересуды Александра Ивановна не обращала вниманія. Одна мысль прежде тревожила ее: «отчего Ванѣ все равно до крестьянъ?» Она рѣшала, что онъ сухъ, безсердеченъ; что онъ любитъ только себя и свои удобства. Это сознаніе тяготило ее до нельзя и вызывало въ ней раздраженіе противъ мужа, котораго она, впрочемъ, ему никогда не высказывала. Но это было прежде, давно, а теперь, когда все такъ хорошо устроилось для крестьянъ, и онъ ни въ чемъ ей не мѣшалъ—ей даже казалось, что онъ самъ радъ ихъ довольству; что онъ сталъ веселѣе и ласковѣе къ нимъ и къ ней. Она увѣрила себя, что

онъ просто не умѣетъ входить въ положеніе крестьянъ; что нельзя винить его въ этомъ, а что онъ добрый и теперь какъ нельзя болѣе доволенъ за поспѣловскихъ. И она становилась къ нему все ласковѣе и нѣжнѣе, приписывая ему всякія прекрасныя чувства и жалѣя его за то, что онъ не умѣетъ обходиться съ крестьянами, хотя любитъ ихъ и желаетъ имъ добра.

Всѣ эти мысли, конечно, были навѣяны тѣмъ сознательнымъ счастьемъ, которымъ сама Александра Ивановна была проникнута послѣднее время. Счастье, говорятъ, дѣлаетъ всякаго добрѣе, лучше, а тѣмъ болѣе понятно, что такое любящее существо, какъ Александра Ивановна, готова была заключить весь міръ въ свои объятія.

Все поспѣло во́-время, и домъ, и избы; всякій водворился въ свое жилье; на лугу отслужено было общее молебствіе съ водосвятіемъ и крестнымъ ходомъ; въ каждую избу входилъ священникъ и кропилъ ее св. водой.

Много нашло народу изъ сосѣднихъ деревень на это торжество и всѣ диву дались, откуда все взялось и какъ все хорошо. И правда, точно въ сказкѣ, да и тамъ говорится: «скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Волшебной феей, въ данномъ случаѣ, была Елена Петровна и по этому поводу священникъ сказалъ крестьянамъ краткое слово и велѣлъ имъ бить ей челомъ. Всѣ низко кланялись благодѣтельницѣ

Еленѣ Петровнѣ, но никто не проникался до сердца этой благодарностью; всѣ чуяли, что сдѣлано все это хоть и ею, а не будь родимой ихъ Александры Ивановны, ничему бы этому не бывать; все это, то есть, старушка сдѣлала ей въ угоду, для нея, а не для нихъ.

И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, безъ указа батюшки, а по собственному внушенію, благодарили ту, которая положила на нихъ столько любви и заботъ, которую они благославляли и поминали на молитвѣ.

Иванъ Васильевичъ кланялся направо и налѣво, поздравлялъ крестьянъ и желалъ имъ благоденствія.

Никогда, ни прежде, ни послѣ не была, говорятъ, Александра Ивановна такъ хороша, какъ на этомъ молебнѣ. Елена Петровна плохо молилась, почти глазъ не спускала съ своей Саши; въ свѣтломъ платьѣ, съ гладко зачесанными за уши волосами и низко положенной густой косой, съ нѣжнымъ румянцемъ на щекахъ стояла она среди толпы и горячо молилась. Глаза ея выражали какое-то торжественное спокойствіе или удовлетвореніе; вся она какъ бы олицетворяла собою общее счастье. Мѣстные крестьяне стояли бодрые, веселые; мужики въ новыхъ свѣтлыхъ рубахахъ, женщины въ новыхъ сарафанахъ; дѣтей было видимо-невидимо, стояли они смирно, любуясь своими обновками.

Иванъ Васильевичъ, въ черномъ разстегнутомъ сюртукѣ и синемъ бархатномъ жилетѣ, былъ впереди, поодаль отъ толпы, около причта, у всѣхъ на виду.

Увидѣли поспѣловцы свѣтъ и зажили «себѣ на радость и всѣмъ на удивленье». Накупила имъ Александра Ивановна скота, птицы. одежи, домашней утвари; ни въ чемъ недостатка у нихъ не было. Не забыто было и о минувшемъ бѣдствіи; у каждыхъ воротъ находилась какая-нибудь необходимая принадлежность на случай пожара, съ которой долженъ былъ идти на помощь хозяинъ избы: у кого багоръ, у кого ведро, гдѣ лѣстница, гдѣ топоръ; все это день и ночь должно было обязательно стоять на своихъ мѣстахъ.

Ужъ и сколько же она хлопотала, Александра Ивановна, обо всемъ позаботилась, никого и ничего не забыла. У самой въ домѣ все было «простѣе простого», говорилъ народъ, — только самое необходимое; на этомъ она настояла и Иванъ Васильевичъ согласился; ужъ больно мила и ласкова къ нему стала Саша.

Все пошло какъ по маслу въ Поспѣловкѣ; и урожай Богъ послалъ хорошій въ этомъ году. «Нѣтъ худа безъ добра», случалось слышать среди крестьянъ; «не быть бы такой деревнѣ, кабы не пожаръ».

Иванъ Васильевичъ могъ бы сказать то же съ нѣкоторой варіаціей: «Кабы не пожаръ, не убрался бы этотъ негодяй Подошниковъ въ другой уѣздъ, въ дальнее имѣніе, подальше отъ стыда».

Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ перемѣнъ, у Александры Ивановны родилась дочь и Иванъ Васильевичъ былъ этимъ доволенъ не меньше самой Саши и

Елены Петровны. Радовались и на деревнѣ; ликовали и уѣздныя кумушки, которыя, такимъ образомъ, оказались пророчицами.

Жизнь Александры Ивановны освѣтилась незнакомымъ ей до сихъ поръ чувствомъ—материнской любви. И въ этомъ судьба отозвалась на ея желаніе: ей хотѣлось дѣвочку; дѣвочку ей легче было направить по-своему, внушить ей тѣ же стремленія; дѣвочки отзывчивѣе на все доброе, на всякое самоотверженіе, казалось Александрѣ Ивановнѣ; дѣвочка лучше пойметъ ее и выростетъ исключительно подъ ея вліяніемъ. И вотъ она держитъ эту дѣвочку на рукахъ, кормитъ ее грудью, знаетъ, что на деревнѣ всѣ живутъ въ довольствѣ, и когда кому нуженъ совѣтъ, защита или врачебная помощь—у нихъ есть она, Александра Ивановна.

Дѣвочка росла здоровая, румяная; мама берегла ее, ходила за ней, баловала лаской, но Оля не мѣшала ей продолжать начатаго любимаго дѣла. Еще больше стала Александра Ивановна любить дѣтей и заботиться о нихъ на деревнѣ.

Черезъ годъ родился и сынъ у Корниловыхъ, чѣмъ очень гордился Иванъ Васильевичъ, видя въ маленькомъ Лелѣ будущаго представителя рода Корниловыхъ. Александра Ивановна не такъ горячо отнеслась къ появленію на свѣтъ Лели, какъ его сестренки. Елена Петровна особенно заботилась о внучатахъ,

хоть и находилась при нихъ Вѣрушка, надежная няня. И не замѣтили, какъ пришло время погремушекъ, волчковъ, мячиковъ, которые съ большимъ удовольствіемъ привозилъ дѣтямъ отецъ изъ губернскаго города.

Мамѣ не одинъ разъ на дню приходилось отлучаться на деревню. Чуть свѣтъ вставала она и, когда еще мы спали, уходила на деревню и обходила всѣхъ, изъ избы въ избу. Отецъ вставалъ нѣсколько позднѣе и ѣхалъ въ поле на бѣговыхъ дрожкахъ въ коротенькой сѣрой бекешкѣ. Богатыря, воронаго жеребца, на которомъ баринъ всегда ѣздилъ въ одиночку, едва могли удержать кучера подъ уздцы пока отецъ садился на дрожки; затѣмъ, прежде чѣмъ тронуться съ мѣста, Богатырь имѣлъ обыкновеніе взвиваться на дыбы разъ, другой, и потомъ уже мчался въ ворота и бралъ влѣво; сохрани Боже тронуть его возжей, тогда не сдобровать, перерветъ Богатырь всю упряжь, изломаетъ оглобли и вырвется на свободу. Отецъ имѣлъ страсть къ лошадямъ, не любилъ смирныхъ; ему нравилось, чтобы лошадь горячилась, не стояла на мѣстѣ, била копытомъ о-земь. Любилъ онъ покупать молодыхъ, невыѣзжанныхъ лошадей и брался непремѣнно самъ ихъ выѣзжать, хотя не умѣлъ и правилъ тоже плохо.

Мать знала все, что касалось каждой поспѣловской семьи; просьбу или жалобу каждаго она выслу-

шивала и никогда не забывала исполнить обѣщаннаго. Бывали иногда раздоры въ семьяхъ, непочтительность къ старшимъ, грубое обращеніе мужей съ женами, несправедливость свекора или свекрови, жесткость мачихи, — со всѣмъ этимъ обращались къ Александрѣ Ивановнѣ, какъ къ духовнику; все это ее заботило и все она старалась уладить, каждаго усовѣстить и навести на добрыя мысли. Ужъ и цѣнили ее поспѣловскіе; и старые, и малые души въ ней не чаяли; «голубушка ты наша, мать родная, свѣтикъ дорогой, золотая, родимая», слышалось со всѣхъ сторонъ на деревнѣ при видѣ ея; такъ ее встрѣчали и провожали.

Случалось, что мать ѣздила и въ сосѣднія деревни къ больнымъ, когда ее звали. Слава ея шла все дальше и дальше; сталъ ходить къ ней народъ за всякой нуждой и съ сосѣднихъ деревень; и лечились, и кормились около Александры Ивановны сотни человѣкъ.

Другимъ помѣщикамъ это не нравилось, большинство изъ нихъ ея чуждалось; Александра Ивановна съ своими гуманными проявленіями была имъ какъ бѣльмо на глазу; они старались удерживать своихъ крестьянъ отъ хожденія въ Поспѣловку.

— Вишь повадились, говорила злая, скупая Мазуриха своимъ. — Чего тамъ не видали? Чтобъ у меня этого не было! Засѣку, коль узнаю, что кто-нибудь туда опять совался. Добру тамъ не научитесь.

Елизавета Ивановна Мазуренко была мелкопомѣстная дворянка, неимовѣрно скупая; она очень дурно обращалась со своими крестьянами и дѣлала съ нихъ поборы молокомъ, яйцами, курами. Она льстила Александрѣ Ивановнѣ въ глаза и даже побаивалась ея. Странно звучитъ это слово по отношенію къ Александрѣ Ивановнѣ; неужели она могла внушить это чувство? А между тѣмъ, не одна Мазуриха боялась Александру Ивановну; побаивались ея и многіе другіе помѣщики; пуще всего они боялись, чтобы до нея доходили ихъ недобрыя дѣла: выдеруть кого-нибудь на конюшнѣ, да и дадутъ строго-на-строго запретъ «ни гу-гу объ этомъ въ Поспѣловкѣ», чтобы до Александры Ивановны не дошло. А кто осмѣлится донести—только бѣды наживетъ, или выдерутъ пуще прежняго, или лобъ забрѣютъ. Чудачку Корнилову, какъ они ее называли, эти господа не могли не уважать; она была совершенно не ко двору въ то время, въ своей средѣ.

Всѣ эти сосѣдніе властители дивились откуда набралась такого духа Александра Ивановна; смѣлости однако не хватало ни у кого изъ нихъ открыто бороться съ нею; напротивъ, они старались казаться въ ея глазахъ бѣленькими, зная какое значеніе давала Александра Ивановна нравственной опрятности въ человѣкѣ.

Проста была Александра Ивановна до крайности

и въ одеждѣ, и въ обстановкѣ, и въ обращеніи; всякій излишекъ, не только роскошь, ее возмущали. Болѣе всего бѣсило помѣщиковъ то, что на нее нельзя было подѣйствовать внушительно ни роскошнымъ обѣдомъ, ни богатымъ туалетомъ, ни саномъ, ни титуломъ; все это не имѣло для нея никакого значенія; со всѣми и во всякой обстановкѣ она была одинаково проста, кротка, ласкова. Участіе же у нея всегда невольно или сознательно проявлялось больше къ простому народу, его горе и неудачи были ей ближе, задѣвали ее глубже. Она сама рѣдко гдѣ-нибудь бывала; отецъ ѣздилъ къ сосѣдямъ одинъ, и къ нему по воскресеньямъ и праздникамъ всегда наѣзжали помѣщики.

Поспѣловка процвѣтала; мать неусыпно о ней заботилась; она завела отдѣльное помѣщеніе для школы и ребята бѣжали туда учиться, какъ на праздникъ. Учила сама Александра Ивановна, она одна была грамотная. Ежедневно посвящалось ею на школу два часа времени, часъ утромъ, часъ послѣ обѣда; доросли и мы съ Лелей до того, что стали ходить учиться съ ребятами. Наука была немудреная: читать, писать и считать.

Мама очень подружилась съ Надеждой Николаевной Соколовой, вдовой ея лѣтъ, дочерью нашего приходскаго священника; она воспитывалась у какой-то тетки въ Москвѣ; потомъ вышла тамъ замужъ за док-

тора и послѣ смерти мужа переѣхала жить къ отцу въ Подошниковское имѣнье, Овражки. Она была хорошій человѣкъ, очень сердечная и неглупая, знала цѣну Александрѣ Ивановнѣ и дорожила ея дружбой; Соколова часто бывала у насъ, а позднѣе стала гостить недѣлями и помогать мамѣ въ школѣ и въ домѣ.

Я часто ходила съ мамой по деревнѣ и знала тамъ многихъ дѣтей по имени; вели насъ очень просто и мы съ Лелей проводили цѣлые дни на воздухѣ съ поспѣловскими дѣтьми, на совершенно равныхъ съ ними правахъ. Онѣ не стѣснялись насъ нисколько, не помнили, что мы барскія дѣти и въ играхъ соблюдалось полное равенство. Леля сталъ было проявлять наклонность къ деспотизму, хотѣлъ, чтобы играли непремѣнно во что онъ хочетъ и настаивалъ въ играхъ на той роли, которую онъ самъ себѣ выбиралъ, но мама сразу положила этому конецъ, заявивъ Лелѣ, что если онъ не будетъ соглашаться съ другими и играть мирно — ему придется играть одному, дома. Когда наступала пора ягодъ и грибовъ — на лугу была замѣтная пустота; мы цѣлой гурьбой шли въ лѣсъ, пѣли пѣсни и возвращались съ полными кузовами, наѣвшись сами до-сыта. Это было мое любимое время года; для Лели же ходить по-грибы, по-ягоды казалось скучнымъ; онъ оставался играть на лугу и завербовывалъ себѣ лучшихъ товарищей. Росли мы настоящими деревенскими крѣпышами. Леля любилъ пошалить, и чѣмъ старше онъ

становился, тѣмъ изобрѣтательнѣе былъ на шалости. Онъ уже сталъ ѣздить съ отцомъ, на Богатырѣ, въ поле, чего мать страшно боялась. Помню ея ужасъ и общее смятеніе какъ-то ранней осенью, когда мы съ ней шли по деревнѣ и завидѣли издали Богатыря на дорогѣ, съ одними передками дрожекъ; онъ несся прямо къ воротамъ, а затѣмъ отъ воротъ въ конюшню и былъ весь въ мылѣ; о сѣдокахъ не было и помину.

Кучера и другіе дворовые бросились въ поле на помощь отцу и Лелѣ; волненію матери не было предѣловъ; къ счастью, оба сѣдока скоро вернулись невредимыми на крестьянской телѣгѣ.

Отецъ хозяйничалъ образцово и откладывалъ вѣроятно приличные куши каждый годъ; онъ сталъ не только бережливъ и разсчетливъ, но даже скуповатъ съ тѣхъ поръ, какъ обзавелся дѣтьми. Онъ хотѣлъ оставить имъ нѣзависимое состояніе. Про постройку храма онъ забылъ и думать, избавившись отъ сосѣдства Подошникова.

Бабушка, сочувствуя Сашинымъ удачамъ и довольная постоянными заботами мамы о ней и почетомъ, который ей, старухѣ, оказывали поспѣловскіе, совсѣмъ не старѣлась; она даже стала бодрѣе ходить, чѣмъ при покойномъ Иванѣ Терентьевичѣ и часто появлялась на деревнѣ. А когда, на Свѣтлое Христово Воскресеніе, она поѣхала за пять верстъ, къ заутрени, всѣ подивились.

Любила бабушка беречь Сашино добро и по вечерамъ всегда вязала носки при сальныхъ огаркахъ, при чемъ никогда не случалось ей спустить петли; сколько ни говорила ей мама, что ей просто совѣстно смотрѣть на бабушку за такимъ освѣщеніемъ, когда и въ дѣвичьей и въ передней всегда жгутся цѣлыя свѣчи — старушка продолжала сидѣть съ огарками; цѣлую коробку наберетъ ихъ, бывало, бабушка и то и дѣло тушитъ одинъ и зажигаетъ другой. И при томъ, вся эта операція производилась на донышкѣ опрокинутой помадной банки. Носки она вязала не глядя и ужасно быстро появлялся на свѣтъ одинъ носокъ за другимъ; у отца ихъ было нѣсколько дюжинъ ея работы; а затѣмъ она вязала ихъ на продажу, посылала въ городъ на базаръ, чтобы на эти трудовыя деньги ей привозили деревяннаго масла для лампады. Была бабушка охотница до варенья съ чаемъ и, какъ ни стояла за экономію, однако не замѣчала, что ея любимые сорта заготовлялись мамой въ такомъ изобиліи, что ихъ хватало вплоть до свѣжаго варенья.

Надежда Николаевна старалась всегда быть полезной чѣмъ могла; она смыслила въ леченіи и мама кое-чему отъ нея научилась. Какъ-то мать каялась ей, говоря:

— Прежде у меня одна мысль изъ головы не выходила какъ наши выстроились, — больницу хотѣла я строить. Да тутъ Оля родилась и стали у меня все

дѣти въ умѣ вертѣться; что онѣ такъ безъ толку дома болтаются, и зачѣмъ имъ такими темными рости, какъ ихъ отцы и матери; и сбили онѣ меня, рѣшила я избу имъ отдѣльную для ученья выстроить, чтобы въ этомъ дѣлѣ порядокъ былъ. Ну, конечно, эта затрата небольшая. А все же больница нужнѣе была; избы не такія просторныя, чтобы больной не стѣснялъ; одинъ сляжетъ и всѣмъ онъ помѣха, самому удобства нѣтъ и ходить за нимъ некому.

Надежда Николаевна поддержала въ матери эту мысль и стали онѣ обѣ съ ней няньчиться до тѣхъ поръ, пока ни рѣшили выписать изъ Москвы фельдшера, который служилъ у покойнаго мужа Надежды Николаевны. Отецъ согласился, такъ какъ его средствъ на этотъ предметъ не требовалось.

Пріѣхалъ Петровъ и пошли разговоры о постройкѣ; онъ даже запасся отъ знакомаго архитектора въ Москвѣ планомъ небольшой сельской больницы. Сказано—сдѣлано. Выстроили больницу, свѣтлую, по-деревенски, просторную и высокую, обзавели ее только самымъ необходимымъ и фельдшеръ сталъ представителемъ врачебной части въ Поспѣловкѣ.

Петровъ былъ умный, своеобразный человѣкъ, съ рѣзко самостоятельнымъ характеромъ; незврачный на видъ—средняго роста, худощавый, смуглый, съ густыми всклокоченными волосами, съ жесткимъ, какъ бы нѣсколько озлобленнымъ выраженіемъ глазъ,—онъ не рас-

полагалъ къ себѣ сразу, но при ближайшемъ знакомствѣ въ немъ открывались симпатичныя черты. Онъ былъ изъ крестьянъ, можетъ быть самъ претерпѣлъ не мало, или насмотрѣлся какъ терпѣли другіе, ему равные, и вслѣдствіе этого въ немъ выработалось участіе къ угнетенному: стремленіе всегда отстоять правое дѣло, никого не дать въ обиду, не допустить оскорбленія личности. Крестьяне конечно не разобрали въ немъ этихъ свойствъ и его выраженіе озлобленности во взглядѣ они истолковали не въ его пользу; онъ показался имъ строгимъ, даже суровымъ; больные шли по-прежнему къ своей родимой, отъ нея ждали исцѣленія, а она обращала ихъ къ Петрову.

— Она все тебя распроситъ и осмотритъ хорошенько, не спѣша, а тому все какъ бы поскорѣе,— судили крестьяне, хотя ошибочно на этотъ разъ; совѣты Петровъ имъ всегда давалъ въ присутствіи Александры Ивановны, которая хотѣла извлекать изъ нихъ пользу для своихъ слабыхъ медицинскихъ познаній. Поспѣловцамъ дорога была привычка къ «родимой», и потому они не хотѣли сразу признать за Петровымъ его достоинствъ. Онъ былъ очень умѣлый, обращался съ больными привѣтливо, и терпѣливо выслушивалъ все, что они передавали о своемъ недугѣ.

Петрова поразила личность Александры Ивановны; никого, хоть сколько-нибудь похожаго, онъ не встрѣ-

чалъ; онъ дивился, какъ она всюду поспѣваетъ, во все входитъ, обо всемъ помнитъ.

Строго наблюдала она за чистотой въ избахъ, требовала, чтобы каждую субботу крестьяне ходили въ баню и водили дѣтей, причемъ обязательно было мѣнять бѣлье. Въ Поспѣловкѣ было построено нѣсколько бань для крестьянъ и у насъ была своя, за версту отъ дома, за огородомъ.

Помню какъ мы радовались съ Лелей когда насъ въ первый разъ повезла мама въ баню. Надоѣло намъ мыться дома въ корытѣ, и переходъ отъ него къ банѣ мы сочли признакомъ нашей взрослости. Каково же было мое разочарованіе когда меня ввели въ настоящую баню, съ полкомъ и вѣниками, такую жаркую, что паръ стоялъ тамъ какъ густой туманъ и дышать просто было невозможно. Я стала просить скорѣе увезти насъ домой, но мама сказала, что мы пріѣхали сюда чтобы вымыться хорошенько. Леля пока былъ счастливѣе меня, потому что ждалъ въ передбанникѣ, гдѣ было совсѣмъ сносно. Мытье головы оказалось для меня сущимъ наказаніемъ; няня полѣзла въ печку, вытащила ухватомъ большой котелъ съ щелокомъ, налила его полный тазъ и давай этимъ, до нельзя горячимъ снадобьемъ, мыть мнѣ голову. Я кричала: «няня, ты меня ошпаришь!» но она не обращала вниманія и продолжала тиранить меня. Какъ я была счастлива когда со мной покончили, обдали всю теплой водой и выве-

ли въ передбанникъ одѣваться. Настала очередь бѣднаго Лели: справляться съ нимъ было не такъ легко: я слышала какъ онъ кричалъ, когда ему пришлось познакомиться со щелокомъ, вскакивалъ нѣсколько разъ со скамейки и вырывался изъ-подъ рукъ няни; пришлось нянѣ его держать, а мамѣ мыть.

Послѣ этого испытанія мы всегда неохотно ѣздили въ баню, а зимой Леля часто просилъ, чтобъ его пустили послѣ щелочной операціи поваляться въ снѣгу, какъ это обыкновенно дѣлали мужики у него на глазахъ, и былъ очень недоволенъ, что мама не позволяла.

Вообще же мы очень любили субботы. Обѣдали мы всегда въ часъ, а по субботамъ въ двѣнадцать. Послѣ бани, часа въ четыре, мы заставали дома вымытые полы, разостланные чистые, бѣлые половики и кипящій самоваръ; мама варила кофе, и это былъ единственный день въ недѣлю, когда и мы имъ угощались; кофе казался намъ очень вкуснымъ со сливками и сдобными лепешками, а давали намъ его по субботамъ потому, что онъ сытнѣе чая и чтобы мы не проголодались въ долгій промежутокъ, отъ обѣда до ужина, который по субботамъ бывалъ часомъ позднѣе изъ-за бесѣдъ.

Вечернія субботнія бесѣды продолжались попрежнему; мама читала и объясняла крестьянамъ Евангеліе, учила ихъ жить честно: никогда не дѣлать другому чего не хочешь самому себѣ; помогать ближ-

нему въ нуждѣ; говорить правду; трудиться; не подавать дурныхъ примѣровъ.

И мы присутствовали на этихъ бесѣдахъ когда хотѣли, и насъ очень занимало, что поспѣловскіе такъ внимательно слушаютъ что̀ читаетъ или говоритъ мама.

VII.

Года летѣли быстро; мы подростали, мать много занималась нами, что не мѣшало ей постоянно вникать въ нужды поспѣловцевъ. Ей пришлось убѣдиться по опыту, что нужно крестьянамъ земли прикупить; бываетъ у нихъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Она поѣхала въ Крыловку справиться не продали ли бы тамъ поспѣловскимъ смежное съ ними поле; крыловскіе хотѣли поговорить съ міромъ.

— Куда ѣздила, Саша?—спросилъ ее отецъ за обѣдомъ.

— Торговать поле у крыловскихъ; у нашихъ въ землѣ недостача, приходится прикупить, взять изъ ихъ денегъ; ужъ это не прихоть,—надо купить.

— Ты чтожь меня не спросила? я вамъ продамъ, если хорошую цѣну дадите.

— Неужели же ты съ нихъ запрашивать станешь,

Ваня? Тебѣ бы теперь не грѣхъ и такъ прирѣзать кусочекъ.

— Вонъ оно куда пошло! Нѣтъ, матушка Александра Ивановна, раскошеливайся, раскрывай отцовскую мошну. Куда имъ деньги-то дѣвать? Они богаче меня; у насъ такое положеніе: мужики въ гору, а баринъ подъ-гору. Ты помни, что у тебя дѣти, а ты вонъ еще мужикамъ же выпрашиваешь.

— А что же бы ты продалъ имъ, Ваня?

— Да вонъ тотъ дальній участокъ; онъ мнѣ неудобенъ.

— Имъ крыловскій сподручнѣе будетъ, — замѣтила мать.

Отецъ принялся крутить усы.

— Чай я тебѣ ближе крыловскихъ мужиковъ? У меня покупай, — проговорилъ онъ нѣсколько сердито.

— Такъ вѣдь нужно брать то, что для крестьянъ лучше, Ваня. Да я и рѣшать не возьмусь; пусть сами разсудятъ которое поле покупать.

Папа покачалъ головой и прекратилъ разговоръ.

Крестьяне прикупили у крыловскихъ, и мать завѣщала имъ считать это добавочное поле общей собственностью, съ тѣмъ, чтобы всѣ они имѣли на него равныя права.

— Понимаемъ, родимая; доподлинно такъ. Спа-

сибо тебѣ; все-то ты о нашемъ братѣ хлопочешь,— говорилъ народъ.

— Помните же, чтобъ это было такъ и послѣ, когда меня не станетъ.

— Будемъ помнить, родимая; только зачѣмъ такъ говорить? Тебѣ-ли умирать! Жить тебѣ надо, долго, долго, вонъ какъ Алена Петровна живетъ.

Крестьяне звали мать «родимой», прислуга всегда Александрой Ивановной; отца же всѣ, и въ глаза и за-глаза, называли бариномъ.

Работали на общемъ полѣ поочереди всѣ поспѣловскіе, и весь хлѣбъ съ него ссыпался въ отдѣльный амбаръ; оттуда выдавалась помощь тѣмъ, у кого не хватало запаса до свѣжаго хлѣба, что часто случалось съ большими семьями, гдѣ было мало рабочихъ силъ.

Все слишкомъ хорошо шло и такъ не могло долго продолжаться, это было бы не въ порядкѣ вещей. Часто думала объ этомъ мать и стало ее тяготить предчувствіе чего-то недобраго; начались безсонныя ночи, тревожныя думы, и на лицѣ ея опять появилась постоянная озабоченность.

— Что же можетъ случиться?—съ безпокойствомъ говорила Александра Ивановна Надеждѣ Николаевнѣ. — Лишь бы всѣ живы были—это главное, а тамъ будь что будетъ. Все можетъ пройдти, измѣниться; только не вернешь того, кого Господь къ себѣ призоветъ.

А бѣда уже была близка. Нѣсколько дней спустя, ночью, я заболѣла, стала метаться, говорить громко во-снѣ; няня разбудила маму.

Босая бросилась она къ постели своей дѣвочки; я горѣла и бредила. Побѣжали за Петровымъ; онъ пришелъ тотчасъ же, осмотрѣлъ меня, послушалъ пульсъ, удивился, что это такъ внезапно случилось. Не видно было, чтобъ болѣзнь подготовлялась; я была весь день весела, ѣла охотно, играла, рѣзвилась.

— Не будетъ ли кори? сказалъ онъ нерѣшительно. — Вѣдь у нея еще никакой дѣтской болѣзни не было?

— Она ни разу не хворала, отвѣтила мать. — Господи! что съ ней? Спаси и сохрани ее! Григорій Петровичъ, останьтесь тутъ, пожалуйста; мнѣ будетъ спокойнѣе за нее.

— Я такъ и хотѣлъ, Александра Ивановна. Да не тревожьтесь вы прежде времени; вѣдь у дѣтей такъ же скоро и проходитъ болѣзнь, какъ приходитъ; ничего же серьезнаго быть не можетъ; заразныхъ формъ на деревнѣ нѣтъ никакихъ. Откуда же ей было схватить что нибудь опасное? — успокоивалъ Александру Ивановну Петровъ, а у самаго лицо выражало тревогу.

Онъ такъ былъ преданъ мамѣ, что одна мысль о какой-нибудь бѣдѣ для нея заставляла его, по природѣ сильнаго, терять голову.

— А пока что выяснится — Лелю лучше отдѣлить, сказалъ Петровъ.

Это было исполнено.

Наступило утро. Тревога распространилась на весь домъ; пришли отецъ, бабушка; всѣ волновались, ахали, выражали опасенія. Жаръ все усиливался; Петровъ принялъ всѣ нужныя мѣры; былъ уже полдень; я лежала какъ въ огнѣ.

— Пошлите въ городъ за докторомъ, — сказалъ Петровъ, — вамъ спокойнѣе будетъ, Александра Ивановна.

Докторъ пріѣхалъ только вечеромъ и, осмотрѣвъ больную, сказалъ очень рѣшительно, что у нея горячка, что положеніе серьезное, и прописалъ лекарство.

Всѣ впали въ отчаяніе. На Александрѣ Ивановнѣ лица не было; Петровъ ободрялъ ее, находя, что докторъ слишкомъ самоувѣренъ, что такъ быстро рѣшать нельзя, что это еще вопросъ, — вѣрно ли онъ опредѣлилъ болѣзнь.

Прошла недѣля; на деревнѣ Надежда Николаевна съ Петровымъ справлялись за мать. Я была все въ одномъ положеніи, лежала въ жару какъ пластъ, никого не узнавала. Докторъ ѣздилъ каждый день и ничего успокоительнаго не говорилъ. Всѣ его предписанія исполнялись въ точности. Въ домѣ царствовала мертвая тишина; на деревнѣ тоже всѣ пріуныли; горе Александры Ивановны было и ихъ горемъ; бабушка цѣлыми часами молилась за Олю; няня плакала; маленькій Леля скучалъ безъ сестры и все просился къ

ней; мать молчала, отецъ заговорилъ о постройкѣ храма.

На девятый день пріѣхалъ старикъ-докторъ и очень торжественно и сухо объявилъ, что онъ не можетъ дать надежды на выздоровленіе больной. Мать тупо на него посмотрѣла и медленно проговорила: «Одна надежда на Бога!» Казалось, она машинально сказала эти слова.

— Лекарство прекратите, — заявилъ докторъ, и этимъ, конечно, далъ понять, что ничего больше не подѣлаешь, ничѣмъ не поможешь.

Это было вечеромъ; послѣдніе два дня онъ навѣщалъ больную по два раза. Простившись съ нимъ, мать ушла въ свою комнату, оставивъ меня на няню и Надежду Николаевну. Что Александра Ивановна дѣлала у себя: плакала ли, молилась ли (никто никогда не видалъ Александру Ивановну дома молящейся), но она вернулась спокойная, твердая, какъ бы готовая на все.

Петровъ все сомнѣвался въ познаніяхъ доктора; ему казалось, что тотъ уже устарѣлъ, ничего не читаетъ, что и зналъ — забылъ. Все это онъ говорилъ Надеждѣ Николаевнѣ. Безучастность доктора къ семьѣ возмущала Петрова.

— Сейчасъ видно, что нѣмецъ, не скоро проймешь, — говорилъ онъ.

Петровъ не любилъ нѣмцевъ и былъ всегда пристрастенъ въ сужденіяхъ о нихъ.

Александра Ивановна и няня провели по обыкновенію ночь у больной; няню мать уложила и та крѣпко уснула; мама же не спускала глазъ съ своей дѣвочки, какъ будто ей хотѣлось до-сыта на нее наглядѣться, какъ будто она болѣе не сомнѣвалась, что она ея лишится. Такъ она просидѣла всю ночь; я металась, стонала, не открывала глазъ. Чуть занялась заря, какъ няня проснулась.

— Меня что-то клонитъ ко сну, — сказала мать; — посиди, няня, я прилягу.

Она крѣпко уснула какъ только прилегла, но скоро проснулась и быстро вскочила съ постели, очень возбужденная.

— Няня, Оля у насъ встанетъ! Господи, благодарю тебя, какое откровеніе мнѣ!

— Что вы, матушка, Александра Ивановна, али во снѣ что̀ приснилось?

— Это не сонъ былъ, няня, нѣтъ; это мнѣ откровеніе. Теперь я спокойна; Оля будетъ жива.

Мать была увѣрена, что не засыпала. Она подошла перекрестить свою дѣвочку и лицо Александры Ивановны оживилось.

— Няня, я сейчасъ ѣду къ св. угоднику Митрофанію и привезу моей Олѣ спасеніе.

— Господи Іисусе Христе! Къ Митрофанію? въ Воронежъ? Олю-то оставите такую!

И старушку няню взяло сомнѣніе: здорова ли Але-

ксандра Ивановна, не бредитъ ли; ужъ не горячку ли и она схватила.

Быстро вышла мать изъ комнаты; отецъ и бабушка еще не вставали. Родимая отправилась на деревню проститься со своими и сказать имъ добрую вѣсть. Ужъ и встрѣтили ее поспѣловскіе! Какъ только дѣти завидѣли ее на лугу—всѣ бросились къ ней, прыгали около нея, она ласкала ихъ; нѣкоторыя побѣжали по избамъ съ криками: «Родимая пришла, родимая тутъ! Идите, ступайте скорѣе»!

Всѣ высыпали изъ избъ и со всѣхъ сторонъ слышались привѣтствія; народъ обступилъ Александру Ивановну; всѣ вмѣстѣ говорили, выражали радость ее видѣть и не давали ей слова сказать. Судя по ея спокойному выраженію лица было ясно, что вѣсти она принесла добрыя.

— Лучше дочкѣ-то, родимая? Сказывай, золотая, сказывай скорѣй.

— Да, она встанетъ. Докторъ неправду сказалъ. Мнѣ сегодня самъ угодникъ св. являлся; онъ воскреситъ ее. Благодарю Бога за великую милость. Пришла проститься, ѣду къ св. Митрофанію.

Крестьяне творили крестное знаменіе; нѣкоторыя изъ бабъ утирали слезы, ахали, дивились видѣнію Александры Ивановны и приговаривали:

— Еще бы, родимая, тебѣ не сподобиться! Ты вѣдь праведница; сама ко святымъ причтешься.

— Что вы? не грѣшите! можно ли такъ говорить? Не стою я этого; журить вы меня должны теперь.

— Тебя? мы-то? Что ты, родимая, что ты?

— Какая я праведная; я вотъ девять день васъ не видала! изъ-за своего горя васъ позабыла; развѣ такъ слѣдуетъ? Вотъ я какая; голову совсѣмъ потеряла; я не то что васъ—Бога забыла! забыла, что на Него одного нужно надѣяться. Ходила бы къ вамъ каждый день по старому, и все то же было бы съ Олей. Ужъ коли суждено умереть—сколько ни сиди, не укараулишь.

— Такъ жива будетъ Оленька-то? Ну и слава Тебѣ, Господи!—говорили крестьяне.—Поѣзжай, родимая, коли Господь благословилъ.

Затѣмъ послѣдовали прощанія и напутственныя благословенія.

Когда мать вернулась домой отецъ и бабушка уже знали о ея рѣшеніи отъ няни.

— Разскажи, Саша,—просили оба,—все, какъ было, какъ это тебѣ привидѣлось.

Тутъ былъ и Леля. Мать подняла его и горячо поцѣловала.

— Скоро Оля будетъ играть съ тобой, милый,—сказала она сыну и опустила его на полъ.

— Я не спала,—начала мать свой разсказъ,—только лежала и все думала объ Олѣ. Вдругъ вижу, передо мной монахъ; лицо у него такое святое; онъ благословилъ меня и говоритъ:

«Я Митрофаній: приди ко мнѣ, приложись къ мощамъ моимъ; тамъ дастся тебѣ то, что спасетъ твоего младенца и будетъ послѣ многихъ спасать. Спѣши! благословляю тебя на путь».

— Онъ благословилъ меня опять и исчезъ.

Отецъ и бабушка благоговѣйно перекрестились и какъ бы съ особеннымъ уваженіемъ взглянули на Сашу, удостоившуюся такого видѣнія.

— Я ѣду, мамаша.

— Съ Богомъ, голубушка, — сказали почти въ одинъ голосъ оба. — Какъ тутъ удерживать.

— Олѣ никакихъ лекарствъ не давайте; Онъ ее подниметъ, — убѣжденно сказала мать.

Подали самоваръ.

— А я и забыла, что чаю не пила; да мнѣ все это время до него все равно было.

Александра Ивановна была большая охотница до чая. Ѣла она всегда мало и ей безразлично было, что бы ни съѣсть; чай же она во всякое время могла пить съ удовольствіемъ. Сѣли пить чай и велѣли Петру закладывать, отвести Александру Ивановну до станціи, а тамъ она собиралась ѣхать на вольныхъ. Бабушка заботилась о ѣдѣ на дорогу для Саши и, попивая чай съ блюдечка, отдавала по этому предмету разныя приказанія Агафьѣ, припоминая понемногу чего бы еще положить Сашѣ.

— Да мнѣ, мамаша, ничего не нужно, право.

Былъ бы погребецъ съ посудой, да чай и сахаръ, вотъ и все; а кусокъ хлѣба вездѣ найдется.

— Полно, Саша; ближній свѣтъ! Четыреста верстъ туда, да четыреста назадъ, легко сказать!

— Нельзя же не пимши, не ѣмши, матушка Александра Ивановна, — вставила и Агафья свое слово.

— Ну хорошо, хорошо, — соглашалась Александра Ивановна, чтобы покончить разговоръ и пила уже третью чашку въ первый разъ послѣ долгаго промежутка съ аппетитомъ.

Мать еще разъ вошла поцѣловать и перекрестить свою дѣвочку и простилась со всѣми. Надеждѣ Николаевнѣ и Петрову было много наказовъ насчетъ поспѣловскихъ. Не разъ повторила мама просьбу, чтобы Олю оставили совсѣмъ въ покоѣ, что она привезетъ ей здоровья. Петровъ менѣе другихъ понималъ рѣшеніе Александры Ивановны ѣхать на основаніи сна, и не могъ безъ ужаса подумать что̀ будетъ, если Александра Ивановна не застанетъ Оли въ живыхъ.

— Мѣшочекъ съ лепешками и провизіей подъ сидѣньемъ у васъ въ тарантасѣ, матушка Александра Ивановна, — поясняла Агафья, — а погребчикъ въ ногахъ будетъ.

Мать живо усѣлась. Еще прощанья, поцѣлуи, благословенія, и тарантасъ тронулся.

— Господь съ ней! — сказала бабушка.

— Въ добрый часъ! — прибавилъ отецъ.

VIII.

Александра Ивановна ѣхала на вольныхъ, платила прогоновъ сколько запрашивали, щедро давала на чай, лишь бы везли хорошенько. И катила она лучше, чѣмъ на почтовыхъ, но ей казалась ѣзда медленной, такъ сильно она стремилась на поклоненіе св. угоднику, твердо вѣруя въ исцѣленіе своей дѣвочки.

Много думала Александра Ивановна о послѣднихъ дняхъ болѣзни Оли и не могла простить себѣ своего малодушія. «Совсѣмъ сплоховала», разсуждала она сама съ собой. Что же это за вѣра коли мучаешься, теряешься, забываешь о другихъ и только носишься съ своимъ горемъ? Это просто искушеніе на меня нашло. Стою надъ ребенкомъ сложа руки, а дѣла не дѣлаю, обязанность свою забываю; точно помощь ей отъ меня какая, что я отъ нея не отхожу. Просто стыдно, какъ теперь опомнилась. Другихъ какъ умѣю утѣшать, а какъ себя коснулось, такъ и забыла, что на все Божья воля, все въ Его рукахъ и какъ бы Онъ ни рѣшилъ съ Олей — покориться должна.

Затѣмъ мысли ея обращались къ поспѣловцамъ: «Хозяйство у нихъ наладилось и на народъ пожаловаться пельзя, народъ добрый, работящій. Конечно,

кто безъ грѣха, и у нихъ случаются провинности, но не важныя; коли съ кѣмъ что-нибудь неладное стрясется — самъ стыдится своего дѣла, каится и всѣми силами старается не впадать въ прежнюю ошибку. Хвораютъ мало; серьезные больные бываютъ рѣдко. Ребята учатся охотно; получаются для нихъ книжки изъ Москвы черезъ знакомую Надежды Николаевны; читать любятъ, да и взрослые рады послушать когда книжку читаютъ; нужно бы только учителя настоящаго; она сама самоучка; то ли дѣло какъ умѣлый человѣкъ возьмется. И Олю съ Алешей пора бы учить какъ слѣдуетъ; Оля порядочно читать стала, страхъ какъ любитъ слушать когда мама что-нибудь вслухъ читаетъ».

День и ночь ѣхала Александра Ивановна, мѣшечка съ провизіей и не развязывала; погребецъ открывала только тамъ, гдѣ заставала на постояломъ дворѣ кипящій самоваръ; она живо заваривала тогда своего чая и пила быстро одну чашку за другой, пока лошадей перекладывали.

На третьи сутки пріѣхала Александра Ивановна въ Воронежъ и попала прямо изъ тарантаса къ заутрени, въ монастырь. На постояломъ дворѣ дивились: «неужто барыня съ такого пути не замучилась, что не отдохнувши, только умылась, и прямо въ церковь поѣхала».

Вотъ и рака; стала Александра Ивановна передъ ней на колѣни и молилась какъ только умѣла усердно. Заутреня была на исходѣ. Когда служба кончилась

всѣ стали прикладываться къ мощамъ св. угодника; Александра Ивановна продолжала стоять на колѣняхъ и какъ будто ждала обѣщаннаго. Народъ толпился и толкался у раки; Александра Ивановна не спускала съ нея глазъ; вдругъ что-то отпало отъ гроба и скатилось чуть слышно на полъ. Старая дама, стоявшая въ сторонѣ отъ Александры Ивановны, но ближе къ мощамъ, бросилась на полъ и подняла бусинку, отпавшую отъ покрова св. Митрофанія. Александра Ивановна спокойно подошла къ дамѣ и сказала:

— Извините, Бога ради, но частичка, упавшая отъ раки—моя; я за этимъ сюда ѣхала, отдайте мнѣ ее, пожалуйста.

Она говорила съ твердой увѣренностью въ правотѣ своего требованія. Дама въ недоумѣніи смотрѣла на нее.

—Почему же ваша, а не моя? Кто удостоился поднять, тому, значитъ, и владѣть этой святыней;—и не обращая никакого вниманія на Александру Ивановну, не выслушавъ ея объясненія, барыня отвернулась отъ нея и быстрыми шагами направилась къ двери.

Тогда Александра Ивановна рѣшила, что такъ быть должно и что ей предназначено что нибудь другое. Она приложилась къ мощамъ, спросила въ которомъ часу обѣдня, раздала милостыню нищимъ и калѣкамъ, которымъ тамъ и счету нѣтъ, и вернулась на

постоялый дворъ. Нетерпѣніе овладѣло ею; къ обѣднѣ она пришла до начала, поставила свѣчу угоднику и опять горячо молилась вблизи отъ раки. Пѣніе было превосходное, задѣвало за-душу и Александра Ивановна испытывала истинное наслажденіе въ молитвѣ. Служилъ архіерей; по окончаніи службы мать подошла къ нему подъ благословеніе; онъ замѣтилъ ее молящейся и спросилъ откуда она. На отвѣтъ ея онъ сказалъ:

— Издалека, издалека Господь васъ принесъ. Не пожалуете ли ко мнѣ чайку откушать?

Она приняла приглашеніе очень охотно, такъ какъ рѣшила до тѣхъ поръ ходить въ монастырь, пока ни сподобится получить обѣщанное. Ей указали путь къ архіерею и она пришла туда первой послѣ самого Владыки.

Онъ вышелъ къ ней и сталъ распрашивать есть ли у нея семья, почему одна пожаловала. Александра Ивановна передала ему все въ подробности и произвела сильное впечатлѣніе на Владыку разсказомъ о своемъ видѣніи.

— Нѣтъ, милость эта для васъ быть должна, и барыня отдастъ вамъ то, что ей не подлежитъ имѣть. Господи, какое чудо! Велики дѣла Твоя, Господи! А за обѣдней этой барыни не видали?

— Нѣтъ, Владыко, не видала.

Къ архіерею стали собираться и другіе пригла-

шенные, большею частію дамы; всѣ подходили подъ благословеніе; онъ всѣхъ принималъ благосклонно. Каково было удивленіе Александры Ивановны, когда она въ числѣ посѣтителей узнала и ту даму, съ которой ей пришлось объясняться за заутреней.

Всѣ усѣлись; разнесли чай, Владыко сидѣлъ на диванѣ и искалъ среди гостей Александру Ивановну, чтобы оказать ей особенную честь, пригласить ее сѣсть возлѣ себя на диванъ. Эта почесть оказывалась только рѣдкимъ гостямъ въ изъявленіе особеннаго благорасположенія Владыки. Александра Ивановна нѣсколько смутилась такимъ преимуществомъ, встала и несмѣлыми шагами прошла черезъ всю комнату, чтобы занять предложенное мѣсто на диванѣ.

Незнакомка, завладѣвшая сокровищемъ Александры Ивановны, тогда тоже признала ее.

— Вотъ, дорогіе мои посѣтители, — началъ Владыка, — позвольте вамъ представить мою сосѣдку, Александру Ивановну Корнилову, пріѣхала изъ Т*-ой губерніи, изъ своего имѣнія.

Всѣ привстали и поклонились; мать сдѣлала то же.

— Не угодно ли вамъ послушать какое чудное видѣнье она имѣла и что ее сюда привело, когда у нея дома дитятя при смерти лежитъ.

И онъ передалъ весь разсказъ матери въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. У нѣкоторыхъ навернулись на глазахъ слезы. Совершенно неожиданно для

всѣхъ, одна изъ присутствующихъ дамъ, почтенной наружности, поднялась съ мѣста и направилась къ Александрѣ Ивановнѣ; это была та самая, съ которой произошло столкновеніе за заутреней. Она стала передъ Александрой Ивановной, молча достала изъ кармана платокъ, развязала узелокъ, завязанный на немъ, вынула изъ него частичку, отпавшую отъ раки и, передавая ее Александрѣ Ивановнѣ, сказала:

— Простите, Бога ради; это вамъ, а не мнѣ Господь послалъ; вы этого удостоились; чужое добро не принесло бы мнѣ счастья. Дай Богъ здоровья вашей дѣвочкѣ и пусть Господь васъ милуетъ,—закончила она со слезами въ голосѣ.

Александра Ивановна молча обняла ее и поцѣловала. Владыко одобрилъ поведеніе дамы и сказалъ ей въ утѣшеніе, что Господь и надъ ней явитъ свою милость за это. Всѣ присутствующіе были глубоко тронуты случившимся. Александра Ивановна была преисполнена неиспытаннымъ до сихъ поръ чувствомъ благоговѣнія. Придя въ себя она тотчасъ же встала, поблагодарила Владыку за гостепріимство и сказала, что не хочетъ ни на минуту замедлять своего возвращенія домой, гдѣ всѣ такъ нетерпѣливо ждутъ ея. Владыко не задерживалъ ея, благословилъ на путь, далъ большую просфору и проводилъ до передней. Всѣ проявили Александрѣ Ивановнѣ особенное уваженіе при прощаньѣ.

Всѣ остались подъ впечатлѣніемъ, что у Корниловой есть особыя заслуги передъ Господомъ и когда она ушла о ней еще много говорили; рѣшали, что она праведница, вѣрно много добра дѣлаетъ, что и по лицу у нея это видно, и въ глазахъ у нея такая кротость и доброта.

Владыко тоже былъ доволенъ, что на этотъ разъ его чай представилъ посѣтителямъ особенный интересъ и что по всему городу пойдутъ разсказы о томъ, что происходило сегодня у Владыки.

Въ какомъ-то восторженномъ состояніи Александра Ивановна опять вернулась въ церковь, приложилась къ мощамъ св. угодника, попросила у монаха масла изъ лампады, котораго онъ ей налилъ полный пузырекъ. Съ просфорой и пузырькомъ въ рукахъ Александра Ивановна поспѣшила на постоялый дворъ и, на-скоро собравшись, немедленно отправилась въ путь.

До нельзя свѣтло было у нея на́ сердцѣ и она вся отдалась чувству наслажденья. Ея воображенію стала представляться Оля уже на ногахъ, веселая, здоровая; и минуты сомнѣнія не было у матери, что я могу не поправиться, такъ слѣпо она вѣрила въ предсказаніе св. Митрофанія, явившагося ей. Она знала, что она везетъ спасеніе своей дѣвочкѣ и многимъ другимъ. «Достойна ли я владѣть такой святыней?» спрашивала себя мать и не могла ни на минуту допустить и

въ мысляхъ своихъ положительнаго на этотъ вопросъ отвѣта. «Какая благодать для нашего дома».

IX.

Тихо, съ подвязаннымъ колокольчикомъ подъѣхала Александра Ивановна къ Поспѣловкѣ. На деревнѣ всѣ спали; въ домѣ виднѣлся огонь въ комнатѣ больной и у Елены Петровны. На лай собакъ выскочила Агафья, а за ней и Надежда Николаевна, и бросились цѣловать Александру Ивановну.

— Оля все въ томъ же положеніи, — поспѣшно сказала Надежда Николаевна.

— Я привезла ей здоровье, — отвѣтила спокойно мать.

Отецъ уже спалъ; мать не велѣла будить его и прошла прямо къ бабушкѣ. Она застала ее на молитвѣ; при видѣ своей Саши старушка такъ и ахнула; не ждала она ея такъ скоро; не думала, что безъ отдыха, безъ устали скатаетъ Саша такъ быстро туда и назадъ. Александра Ивановна обняла мать, усадила ее видя, что она очень взволнована и сказала:

— Маменька, дайте мнѣ какой-нибудь лоскутокъ на ладонку и снурочекъ, хочу сейчасъ сшить, положу туда частичку отъ раки и надѣну на Олю.

Бабушка засуетилась, въ сундукъ пошла и достала черный шелковый лоскутокъ и тесемочку. Ладонка въ мигъ была готова; Александра Ивановна вынула изъза лифа образокъ въ мѣшечкѣ, а оттуда же и святыню свою, которая и была тотчасъ зашита на-глухо въ ладонку.

Елена Петровна даже не попросила показать, что̀ привезла дочь; ей думалось, что она, старуха, не достойна ни посмотрѣть, ни коснуться этой святыни. «Вѣдь я не Саша», думала бабушка, «мнѣ до нея далеко; не такъ я свой вѣкъ прожила».

Мама вошла ко мнѣ и застала меня въ жару и забытьѣ; я лежала спокойно; Петровъ и няня были при мнѣ. Мать поцѣловала меня, приподняла съ подушки, перекрестилась и надѣла ладонку на меня. Я не открыла глазъ; мама крестила меня; няня читала молитву въ полголоса; казалось, надо мной совершается какое-то таинство. Петровъ не спускалъ глазъ съ Александры Ивановны и не понималъ что̀ творится.

На другое утро, когда мать и отецъ вошли ко мнѣ, они застали меня спящей спокойно; жаръ значительно спалъ. Петровъ находилъ этотъ сонъ самымъ благопріятнымъ признакомъ поворота болѣзни къ лучшему. Мать была не только спокойная, но сіяющая; Леля прыгалъ въ столовой около матери и находилъ просфору владыки очень вкусной; ему нравилось, что она была не очень черства и безъ чернилъ. У бабушки

запасъ просфоръ никогда не истощался и она всегда являлась къ утреннему чаю съ черствой просфорой, у которой на донышкѣ были изображены чернилами всѣ наши имена, а надъ ними была надпись: «за здравіе». Такими просфорами ее награждали знакомыя проѣзжія монахини, которыя ѣздили собирать на монастыри по помѣщикамъ, а также и разныя старухи, возвращающіяся съ богомолья. Бабушка разбивала на куски эти черствыя просфоры и макала ихъ въ чай; намъ тоже она давала каждое утро по кусочку такой просфоры, и Лелѣ очень не нравилось угощаться чернилами, когда на его долю выпадала часть донышка.

Мать побывала на деревнѣ, въ школѣ и въ больницѣ; тамъ лежалъ тяжелый больной, который все требовалъ родимую, и обрадовался ей несказанно, хоть помочь ему она не могла; онъ былъ безнадеженъ.

Деревенскіе уже ушли на работу; матери удалось видѣть только старыхъ да малыхъ. Всѣ радовались, что она благополучно съѣздила; старые распрашивали про мощи св. угодника и про храмъ, гдѣ онѣ покоятся.

Мать вернулась домой къ чаю и тутъ ей пришлось разсказать своимъ все, что съ ней случилось, до мельчайшей подробности. Бабушка и отецъ много вздыхали; онъ даже готовъ былъ прослезиться.

— Ужъ это ей, конечно, угодникъ внушилъ отдать, что присвоила себѣ незаконно, — сказалъ онъ въ заклю-

ченіе разсказа жены.—Да, Саша, нужно благодарить Господа за такую великую милость, а если еще Оля поправится...

Мать не дала ему кончить.

— Что ты, Ваня, говоришь «*если*»? Грѣхъ какой на душу берешь,—сомнѣваешься! У меня и въ мысляхъ нѣтъ «сомнѣваться»; я знаю, что ни сегодня, завтра Оля наша встанетъ.

Я спала почти вплоть до вечера, а когда проснулась и открыла глаза, то узнала мать и слабымъ шопотомъ произнесла: «Мама!»

Можно себѣ представить, какъ отозвалось это слово въ сердцѣ матери; она наклонилась ко мнѣ, поцѣловала меня въ лобъ, онъ былъ влажный; поцѣловала одну руку, другую, онѣ тоже были влажныя.

— Ясно, что наступилъ кризисъ, опасность миновала, дѣло идетъ къ выздоровленію,—старался успокоить Александру Ивановну Петровъ.

— Она спасена!—сказала мать и укрыла меня.

Я опять уснула и не просыпалась до утра. Мать подѣлилась доброй вѣстью съ отцомъ и бабушкой, и сама въ первый разъ крѣпко спала всю ночь.

На слѣдующій день я попросила ѣсть, мнѣ дали молока. Дѣло шло на поправку и Петровъ слѣдилъ за мной, выздоравливающей, съ такимъ участіемъ, съ такой нѣжностью, что мама привязалась къ нему и съ тѣхъ поръ онъ считался въ семьѣ своимъ человѣкомъ.

Выздоровленіе шло быстро, но силы возвращались медленно; въ домѣ было похоже на праздникъ и я стала предметомъ общаго вниманія, ласки и разговоровъ.

Черезъ двѣ недѣли я встала съ постели и меня перевели посидѣть въ другую комнату. Это было общее торжество, особенно же былъ счастливъ Леля, потому что въ мою комнату его не впускали и онъ въ этотъ день въ первый разъ увидѣлъ свою сестренку.

— Ай, Олечка, какая ты стала тоненькая; такъ мнѣ тебя жалко; и щечки не румяныя, а посмотри-ка я какой!

И онъ, зажавъ ротъ, надулъ обѣ щеки, чтобы показаться толстымъ. Онъ цѣловалъ мнѣ очень осторожно руки, прикладываясь къ нимъ, какъ будто ему страшно было взять мою руку, такую худенькую, слабенькую. Мать, отецъ, бабушка проводили подлѣ меня все свободное время; Леля не отходилъ отъ меня и разсказовъ у него накопилось за мою болѣзнь много; онъ не шелъ играть съ дѣтьми и даже обѣдать и чай пить хотѣлъ непремѣнно со мной.

Было лѣто; погода стояла теплая; меня стали выводить, а потомъ и катать. Любимыхъ мѣстъ для катанья у насъ было два: пчельникъ и бѣленье; я конечно просила маму свезти меня и туда, и сюда. Какъ обрадовался мнѣ пчелинецъ, старикъ Савельичъ, (онъ уже не разъ вѣроятно мысленно хоронилъ Оленьку) и я ему тоже и, пожалуй, не меньше того — сотовому меду,

которымъ насъ всегда угощалъ, на скамеечкѣ около своей избушки, этотъ славный старичекъ, нашъ общій любимецъ. А когда у Савельича на грядахъ поспѣвали огурцы — они составляли непремѣнную принадлежность угощенья, такъ какъ онъ зналъ, что для насъ ничего не могло быть вкуснѣе сотоваго меда съ свѣжими огурцами. Странное дѣло, ѣли мы и дома медъ съ огурцами, но онъ никогда не казался намъ такимъ вкуснымъ, потому ли, что здѣсь мы ѣли его на воздухѣ, въ чудномъ сосновомъ лѣсу, а дома въ столовой; потому ли, что хозяинъ подавалъ его въ такой аппетитной деревянной росписной чашкѣ. Однимъ словомъ, медъ Савельича и онъ самъ, всегда веселый шутникъ и разскащикъ, привлекали насъ часто на пчельникъ.

На бѣленье мы любили ѣздить потому, что тамъ была рѣка, а мы съ Лелей страсть какъ любили воду и громадный лугъ, сказать не сумѣю въ сколько разъ больше поспѣловскаго, съ безконечными рядами разостланныхъ на немъ полотенъ со всей Поспѣловки, которыя тамъ бѣлились на славу.

Въ сторонѣ, на рѣчкѣ же, паслись гусята и утята со своими старшими представителями; при птицѣ состояла кривая Марфуша, у которой нерѣдко похищали коршуны то утенка, то гусенка. Марфуша любила свою должность, какъ большая охотница до солнышка, а тамъ его было много и грѣлась она на немъ въ-волю. На бѣленье мы всегда привозили хлѣбъ, да мѣшокъ

съ рубленными яйцами и намъ доставляло наслажденіе кормить гусятъ и утятъ; къ послѣднимъ у меня было особенное пристрастіе, они мнѣ казались такими хорошенькими и жалкими.

Воздухъ скоро сдѣлалъ свое дѣло: у меня появился правильный аппетитъ, сонъ и наконецъ силы; мама рѣшилась снять съ меня ладонку.

Все пошло по-старому въ домѣ Корниловыхъ; вѣсть о чудѣ, совершенномъ въ Поспѣловкѣ, проникла конечно всюду и не только по-сосѣдству. Стали пріѣзжать съ распросами и разсказы матери о видѣньи, о ея поѣздкѣ и о благодати, которой она удостоилась, производили буквально магическое дѣйствіе на всѣхъ и каждаго. Всѣ почувствовали, что Александра Ивановна явилась какъ бы избранницей Господа для совершенія чуда и всѣ поддались какому-то обаянію въ Александрѣ Ивановнѣ, данному ей яко бы свыше, но не признанному въ ней до той поры.

— Да, Иванъ Никифоровичъ, вы не шутите этимъ; это, я вамъ скажу, невиданное чудо, — говорилъ одинъ помѣщикъ сосѣду. — Много, конечно, слыхали мы съ вами о чудесахъ и читали; все это такъ. Но вѣдь всѣ онѣ, изволите видѣть, были когда-то и гдѣ-то; а тутъ, помилуйте, вѣдь это на нашихъ, такъ сказать, глазахъ произошло.

— Вотъ тебѣ и чудачка,и полоумная! — съ насмѣшкой, въ минуту раздраженія, обращался другой

помѣщикъ-сосѣдъ къ женѣ. А? что ты теперь скажешь про Корнилову-то? Небось и сама бы не прочь въ такія чудачки попасть. Теперь по всему міру про нее слава пойдетъ. Вонъ ужъ вчера становой заѣзжалъ, говорилъ, что изъ Москвы Савельеву объ ней пишутъ.

— Кто-жъ ее зналъ! — отвѣчала Марья Тимофеевна. — Странное въ ней что-то было всегда, но вѣдь я ей это не въ осужденіе говорила. Нужно будетъ къ ней съѣздить какъ-нибудь.

— Вишь, вотъ и въ честь Корнилова попала! Еще бы: теперь и она сама чудеса будетъ дѣлать. Умирать соберешься, такъ запросишь пардону, будешь Корнилову молить, чтобы отъ смерти избавила. Вотъ и помни, Марья Тимофеевна, не плюй въ колодезь, напиться придется.

Чего, чего ни говорили! Все ѣхало и шло въ Поспѣловку. Уваженіе къ Александрѣ Ивановнѣ росло не по днямъ, а по часамъ; ей, конечно, это было бы совершенно безразлично, еслибы результатомъ случившагося не явилась возможность имѣть вліяніе на окрестныхъ помѣщиковъ и тѣмъ облегчить участь ихъ крѣпостныхъ. Этимъ преимуществомъ Александра Ивановна не могла не воспользоваться и сосѣдніе крестьяне то и дѣло обращались къ ней за заступничествомъ. Что бы ни случилось — мать являлась всегда посредницей между господами и мужиками и всегда улаживала все по правдѣ. По первому зову крестьянина она ѣхала къ

его помѣщику и отстаивала обиженнаго какъ искусный адвокатъ нынѣшняго времени. Такимъ образомъ, мало по-малу, мать пріобрѣла громадное вліяніе въ средѣ помѣщиковъ, и благодаря ей черному народу стало житься по сосѣдству съ ней несравненно легче прежняго.

Петровъ оставался вѣрнымъ поборникомъ стремленій Александры Ивановны, хоть и не раздѣлялъ нѣкоторыхъ ея предразсудковъ, какъ напр. вѣры въ значеніе сновъ, въ видѣнія; въ его мнѣніи это такъ не вязалось съ здравымъ смысломъ, которымъ, несомнѣнно, обладала Александра Ивановна, что онъ только и могъ объяснить себѣ эти странности въ ней сильной нервозностью. Иванъ Васильевичъ ощущалъ и на себѣ лучи того сіянія, которымъ была окружена Александра Ивановна и былъ видимо доволенъ этимъ. Саша выросла и въ его глазахъ.

У Корниловыхъ сталъ бывать весь уѣздъ; появились и богатыя помѣщицы, которыя прежде не жаловали къ Александрѣ Ивановнѣ, потому-что не хотѣли первыя дѣлать визитовъ этой Корниловой, охотницѣ до мужицкой компаніи. Отцу были лестны эти посѣщенія; мать ими тяготилась, потому-что проводя время съ такими дамами, слушая ихъ пустые свѣтскіе разговоры — она была какъ на китайской проповѣди; нужно было ѣхать и къ нимъ; это было для нея сущей пыткой.

— Просили и дѣтей привезти, Саша, напоминалъ отецъ.

— Ну что онѣ тамъ будутъ дѣлать, Ваня? Онѣ совсѣмъ тѣмъ дѣтямъ не подъ-стать; тѣ франпузить начнутъ, а наши только конфузиться будутъ.

— Такъ неужто же нашимъ только крестьянскіе ребятишки подъ-стать?—запальчиво возражалъ отецъ.— Не вѣкъ же имъ съ ними по-грибы, по-ягоды ходить. Вотъ я тебѣ говорилъ, что и намъ нужно какую-нибудь мамзель выписать, пусть она ихъ по французскому учитъ. А то вѣдь стыдъ и срамъ, ни слова сказать не умѣютъ; стыдно ихъ въ добрые люди показать.

— Полно, Ваня, мнѣ нисколько за своихъ дѣтей не стыдно. Куда хочешь съ ними поѣду и нигдѣ мнѣ за нихъ краснѣть не придется. Онѣ просто одѣты— такъ и слѣдуетъ; и всегда такъ будетъ. Хоть бы къ губернатору ихъ везти, все-таки не наряжу ихъ какъ куколъ, одѣну, какъ всегда, чисто и просто; умный человѣкъ никогда не осудитъ ихъ за это и за то, что онѣ не болтаютъ по-французски, а по-русски глупаго ничего не скажутъ. Пусть будутъ просты, естественны, чего же еще отъ такихъ дѣтей требовать?

— Что тамъ ни говори, а учиться имъ пора у мамзели; я просто возьму да и выпишу кого-нибудь черезъ Надежду Николаевну,—рѣшительно заявлялъ отецъ.

— Хорошо, Ваня; поговоримъ объ этомъ въ другой разъ; это нужно хорошенько обдумать, я вѣдь ничего противъ этого не имѣю. Только такъ страшно мнѣ чужого человѣка въ домъ брать.

X.

Завелась у насъ новинка, пріѣхалъ въ Поспѣловку учитель для школы. И съ этимъ дѣломъ такъ же туго пошло, какъ и съ Петровымъ въ началѣ; всѣ хотѣли учиться непремѣнно у Александры Ивановны; «она, дескать, лучше это дѣло разумѣетъ», такъ говорили мужики, и «ребятамъ-то у нея сподручнѣе». Насилу пріучилъ ихъ къ себѣ учитель; немножко необходителенъ и грубоватъ былъ Николай Михайловичъ, а дѣти привыкли къ ласковому обращенію Александры Ивановны, но обошлось—и мать и въ этомъ успокоилась. За то отецъ совсѣмъ сталъ на дыбы, что о крестьянскихъ ребятишкахъ жена заботится, а о своихъ дѣтяхъ все въ долгій ящикъ откладываетъ; онъ забывалъ, что и мы учились въ школѣ.

Одинъ курьезный эпизодъ окончательно рѣшилъ вопросъ о мамзели въ нашемъ домѣ. Насъ, дѣтей, опять пригласила богатая помѣщица-сосѣдка, Моллеръ, къ своимъ дѣтямъ; отецъ и настоялъ, чтобы мать взяла насъ съ собой и самъ поѣхалъ.

Живо помню этотъ вечеръ. Какъ дико казалось намъ въѣзжать въ чужую усадьбу, видѣть красную крышу помѣщичьяго дома, подстриженныя акаціи въ аллеѣ, которая вела отъ воротъ къ крыльцу; у насъ

все росло вольно, какъ хотѣло. А какъ страшно было входить въ этотъ чужой домъ — мы себѣ раньше и представить не могли.

М-мъ Моллеръ приняла насъ покровительственно, окинула пытующимъ взоромъ съ ногъ до головы, конечно, и велѣла лакею, который тоже очень внушительно на насъ подѣйствовалъ, отвести насъ наверхъ къ дѣтямъ. Маня, Воля и Соня были разфуфыжены, (этому выраженію насъ научила няня), и поздоровались съ нами очень чинно, вовсе не по-дѣтски, но мы, вѣроятно, быстро обратили ихъ въ нашу вѣру простымъ отношеніемъ къ нимъ, и игры скоро наладились. Съ нами была Катерина Петровна, ихъ гувернантка, выписанная изъ Москвы; она сразу обошлась съ нами ласково и помогла намъ сойтись съ дѣтьми. Играть, однако, намъ пришлось недолго; позвали насъ пить чай и мы всѣ, вмѣстѣ съ Катериной Петровной, отправились внизъ, въ большую комнату, которая называлась чайной. Усадили насъ за большой длинный столъ, около Катерины Петровны; она разливала чай; съ правой стороны отъ нея сидѣли мы съ Маней, съ лѣвой — мальчики; другой конецъ стола заняли большіе: сами Моллеръ, папа съ мамой и еще другіе гости.

Общее вниманіе постороннихъ было обращено въ первую минуту на насъ, вѣроятно, какъ на новичковъ въ Макаровкѣ; я это замѣтила и покраснѣла. Кате-

рина Петровна спросила меня съ чѣмъ я хочу чаю: со сливками, съ вареньемъ или съ морсомъ.

— Со сливками, пожалуйста, Екатерина Петровна,—отвѣчала я нѣсколько несмѣло.

— А вы, Леля?—спросила она брата.

Онъ всталъ съ своего мѣста, съ шумомъ отодвинувъ стулъ, выпрямился, руки по швамъ, и громко, твердымъ голосомъ, произнесъ:

— Мнѣ, Катерина Петровна, двѣ чашки крошеного!

Раздался общій неудержимый хохотъ большихъ и малыхъ; мать тоже добродушно смѣялась; отецъ покраснѣлъ до ушей и строго, неодобрительно смотрѣлъ на Лелю, который въ свою очередь улыбался и даже какъ будто былъ доволенъ, что насмѣшилъ публику.

Катерина Петровна попросила у Лели объясненія какъ приготовляется его крошеное.

— Просто накрошить бѣлаго хлѣба въ чашку, два куска сахару сверху положить, потомъ чаю налить; такъ мама всегда дѣлаетъ, да еще вареньица ягодки двѣ-три подкладываетъ.

— Вотъ молодецъ! — сказалъ Лелѣ одинъ гость, пожилой, съ очень добродушнымъ лицомъ, — знаетъ какъ его кушанье готовится. А я вотъ, какой охотникъ до супу, а спроси-ка меня какъ его варить—не съумѣю объяснить,—продолжалъ старикъ, видимо желая ободрить Лелю.

Отецъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный и не могъ отдѣлаться отъ непріятнаго впечатлѣнія выходки Лели; ему представлялось, что послѣ нашего отъѣзда будетъ не мало пересудъ о неблаговоспитанности корниловскихъ дѣтей.

Послѣ чая мы тотчасъ уѣхали и не успѣли отъѣхать отъ крыльца, какъ отецъ набросился на Лелю, а потомъ и на мать. Она старалась втолковать отцу, что это пустякъ, что посмѣются да и позабудутъ, но онъ не унимался.

— Пустякъ, пустякъ! Однако, небось, не попросили ихъ еще какъ-нибудь привезти. Увидали, что они какъ есть мужики и, конечно, кому пріятно, чтобъ свои дѣти такой примѣръ видѣли. А ты еще говорила: «а по-русски никакой глупости не скажутъ!»

Такъ вплоть до дому все о Лелиномъ крошеномъ разговоръ былъ.

На другой же день отецъ настоялъ на своемъ и обратился въ Москву, къ знакомой Надежды Николаевны, съ просьбой выслать намъ гувернантку.

Дожилъ, наконецъ, папа до того, что и у него въ домѣ мамзель завелась. Привезли Марью Яковлевну; была она нѣмка съ французскимъ языкомъ и принялась обучать насъ съ братомъ тому и другому разомъ. О педагогическихъ пріемахъ Марья Яковлевна, какъ видно, и понятія не имѣла, никогда надъ такими пустяками не задумывалась.

Она была некрасивая, длинноносая, немолодая и притомъ сварливая и нетерпѣливая съ нами.

Намъ не очень-то понравилось появленіе Марьи Яковлевны въ домѣ, отношеніе ея къ намъ, а главное — вѣчное пребываніе съ нами. Мы страстно любили мать и высшаго удовольствія не знали — какъ быть съ ней, а тутъ эта безотлучная, несимпатичная нѣмка! На нашу бѣду въ это самое время заболѣлъ отецъ Надежды Николаевны и она уѣхала къ нему, такъ-что Марья Яковлевна совсѣмъ нами завладѣла и очень не любила, чтобъ мы были съ мамой, всегда ворчала за это.

— Пусть ваша мама будетъ на деревнѣ; она тамъ мужикамъ гораздо нужнѣе, чѣмъ вамъ, — говорила она.

Бабушка нашу мамзель совсѣмъ не переваривала. Отецъ тоже видимо ожидалъ въ лицѣ мамзели что-то иное, болѣе интересное. Однимъ словомъ, не ко двору пришлась намъ Марья Яковлевна.

Смѣшно сказать, но это вѣрно, что нашъ домъ очень много выигралъ въ глазахъ сосѣдей съ гувернантками, когда и у насъ завелась мамзель. Мы какъ будто тоже людьми стали наравнѣ съ тѣми, которые хоть и плохо, да французили.

Крестьяне насъ очень жалѣли, что мы попали въ руки къ какой-то нѣмчурѣ, и что она насъ не пускаетъ играть съ дѣтьми на деревню.

— Это все баринова блажь, — говорили они. — Кабы, тѳ-есть, не онъ, у Александры Ивановны этому

бы и въ умѣ не бывать. Она, матушка, вонъ только по своему знаетъ, а поди-ка, поищи ее такую, другую-то Александровну,—не найдешь!

Какъ на грѣхъ еще на поспѣловскихъ болѣзнь появилась. «Отродясь», говаривали потомъ мужики, «ничего такого не запомнимъ; народъ такъ и валился; больница была полнехонька».

Петровъ и мать едва справлялись вдвоемъ. Отецъ никогда нами не занимался и такимъ образомъ мы остались въ полномъ вѣдѣніи Марьи Яковлевны.

Помню, я вышивала тогда по канвѣ образъ Митрофанія. Работу эту мнѣ начала мать; она желала чтобы я вышила этотъ образъ въ память моего исцѣленія. Я находила эту работу страшно трудной и скучной: канва была мелкая, узоръ убійственно-плохо исполненъ, и я то и дѣло ошибалась, порола, и опять вышивала лишніе крестики не той тѣнью. Какъ я ни старалась исполнить охотно желаніе мамы,—я не могла терпѣливо относиться къ этой работѣ и часто ею раздражалась; это, конечно, служило поводомъ къ лишнимъ выговорамъ со стороны Марьи Яковлевны. Въ сущности же тутъ и она сама была виновата; она заставляла меня слишкомъ подолгу сидѣть за работой, что меня сильно утомляло.

Бабушка отвоевывала у нея, насколько могла, нашу свободу, но всегда не безъ непріятныхъ столкно-

веній съ Марьей Яковлевной, которая обыкновенно говорила съ раздраженіемъ.

— Дѣти мнѣ поручены, должны слушать кого-нибудь одного; я знаю что дѣлаю.

Бабушка настаивала, ворчала и часто, бывало, кончалось тѣмъ, что она махнетъ рукой и уйдетъ къ себѣ.

Вечера у насъ безъ мамы потеряли всякую прелесть, стали до нельзя томительные: соберемся всѣ къ чаю; бабушка перебросится съ отцомъ словомъ-другимъ; Марья Яковлевна сдѣлаетъ намъ нѣсколько замѣчаній: «Какъ вы сидите! Леля, руки прочь со стола! Оля, не берите такихъ большихъ кусковъ въ ротъ! Говорите по французски!»

Зѣвнетъ отецъ, охнетъ бабушка, и рѣшатъ, что пора спать идти.

То ли дѣло было при мамѣ: послѣ ужина, передъ чаемъ, она намъ обыкновенно что-нибудь читала или разсказывала или просто говорила съ нами. Это было лучшее время дня, потому что мы освобождались отъ Марьи Яковлевны и мама насъ уводила къ себѣ. Бабушка вязала въ своей комнатѣ носокъ за сальнымъ огаркомъ; отецъ сводилъ счета въ конторѣ и отдавалъ приказанія о работахъ на слѣдующій день. Потомъ всѣ собирались къ чаю, разливала его бабушка; мать обыкновенно мотала тальки или шила и разсказывала что-нибудь о поспѣловцахъ, отецъ о полевомъ хозяйствѣ.

Никогда не приходилось намъ слышать какихъ нибудь пересудъ или сплетенъ. Отецъ иногда раскладывалъ карты. Бабушка уходила первая, такъ какъ имѣла обыкновеніе еще долго стоять на молитвѣ; вообще расходились рано, потому что рано вставали. Надежда Николаевна ложилась позднѣе всѣхъ; она всегда еще что-то писала; впослѣдствіи оказалось, что она вела дневникъ.

Мать вся отдалась больнымъ своимъ и чужимъ; требовались немедленная помощь, тщательный присмотръ. Когда народъ узналъ, что у насъ холера, паника наступила всеобщая. Кругомъ моръ былъ страшный; въ Поспѣловкѣ сравнительно только очень незначительный процентъ заболѣвающихъ сдѣлался жертвой эпидеміи. Молили Бога, чтобы скорѣе наступили холода. Всѣ жили точно въ военное время подъ пулями; всякій въ каждую данную минуту могъ ждать для себя послѣдняго часа; Поспѣловка была неузнаваема, такое царствовало уныніе, такой ужасъ на всѣхъ лицахъ.

Александра Ивановна была неутомима; забывая совершенно себя, она ходила за больными день и ночь, и страшно было за нее, того гляди и сама свалится. Но она выдержала до конца. Тяжкая пора миновала: эпидемія прекратила свое безпощадное дѣло; на селѣ успокоились, и мать, въ конецъ изнеможенная, вернулась въ семью невредимой. Она разсказывала, что во время

бѣдствія на многихъ надѣвала ладонку и они выздоравливали, но что какой-то внутренній голосъ подсказывалъ ей, для кого не нужно было прибѣгать къ ладонкѣ и это были именно тѣ, которыхъ Господу угодно было уже призвать къ себѣ.

Случалось, что за ладонкой присылали и окрестные помѣщики и вездѣ она являла свою цѣлебную силу; пришлось воспользоваться ею и Марьѣ Тимофеевнѣ; она сильно заболѣла и питала искреннюю вѣру въ частичку отъ раки св. Митрофанія, доставшуюся Александрѣ Ивановнѣ такимъ чудеснымъ образомъ. Исполнили ея желаніе, надѣли на нее ладонку, и больная выздоровѣла.

Въ память минувшей эпидеміи и чудотворнаго дѣйствія ладонки мать заказала въ Москвѣ серебряный крестъ; онъ былъ полый и внутри, въ самомъ центрѣ его, помѣщалась частичка отъ раки св. угодника Митрофанія, а вокругъ воскъ и щепочки отъ гроба Господня.

Всѣ послѣ холеры заговорили о больницѣ Корниловыхъ. Странное дѣло, про нее до той поры никто изъ помѣщиковъ не слыхалъ. А какъ же это могло случиться при такомъ заправскомъ любопытствѣ? Да очень просто, потому что Александра Ивановна никогда своихъ дѣлъ громкими словами не называла; выстроила она помѣщеніе для школы и говоритъ на деревнѣ: «теперь изба есть особая, гдѣ ребятамъ учить-

ся»; выстроила больницу, по ея мнѣнію, очень скромную и не объявила крестьянамъ: «вотъ, я вамъ больницу выстроила». А какъ явился первый кандидатъ на нее—просто сказала: «Отнесите его въ новую постройку.

Такъ съ тѣхъ поръ и окрестили больницу «новой постройкой».

— Что, родимая, не отнести ли ее въ новую постройку?—спрашивали крестьяне о больной, за которой ходить было некому, а болѣзнь затягивалась.

А дѣтямъ, бывало, матери говорятъ:

— Ну что ты у меня подъ ногами вертишься? пошелъ въ *свою* избу.

Это значило въ школу, куда и внѣ часовъ занятій дѣтямъ позволено было собираться въ дурную погоду.

Мы были такъ счастливы, когда, послѣ холеры, мать вернулась къ намъ, что не отходили отъ нея, на что, страхъ какъ, сердилась Марья Яковлевна. Точно также не нравилось ей очень, что мы охотно учились у Николая Михайловича русскому и ариѳметикѣ. Подъ его грубой оболочкой скрывался хорошій, справедливый человѣкъ; онъ любилъ дѣтей и мы съ нимъ подружились.

— Образованные вамъ не нравятся,—колко говорила намъ Марья Яковлевна, — а вотъ семинаристъ какой-нибудь—это другое дѣло, это вашъ другъ.

Мать видѣла, что мы не любимъ Марью Яковлев-

ну и отлично это понимала, такъ какъ она была не симпатична и ей самой. Конечно это обстоятельство явилось больнымъ мѣстомъ у матери, которая учила насъ любить всѣхъ и старалась при выборѣ прислуги окружать насъ добрыми людьми. Каково же ей было видѣть при насъ такую неудачную воспитательницу; а терпѣть Марью Яковлевну нужно было, по условію, цѣлый годъ; отецъ ни за что бы не согласился отправить ее раньше срока.

Еще матери очень не нравились взгляды Марьи Яковлевны на низшихъ себя по положенію и отношенія ея къ прислугѣ и крестьянамъ. Мать старалась внушить ей другія убѣжденія, но онѣ не прививались по той простой причинѣ, что Марья Яковлевна была не умна. Она возмущалась, напримѣръ, субботними бесѣдами, когда «всякій мужикъ лѣзъ въ барскія комнаты», говорила она, или розговѣньемъ у насъ на Пасху, когда всѣ крестьяне отъ обѣдни шли прямо къ намъ разговѣться и похристосоваться, а красное яичко, которое получалось каждымъ отъ «родимой», клалось крестьянами къ образамъ какъ святыня.

Присутствіе и постоянное столкновеніе Марьи Яковлевны съ нами сильно заботили мать. Эпидемія со всѣми ея ужасами замѣтно потрясла ея нервы, каждая мелочь ее тревожила; часто нападало на нее раздумье о непрочности человѣка; ей приходила мысль

о смерти и она ставила себѣ вопросъ: «Что будетъ когда меня не станетъ?»

— Долго ли до этого,—говорила она,—нѣсколько часовъ, а то минутъ, и нѣтъ тебя! На деревнѣ все налажено, пойдетъ, Богъ дастъ, своимъ чередомъ. А дѣти?—вотъ что мучитъ меня, особенно Оля; что изъ нея выйдетъ? въ какія руки она попадетъ? Да, нужно бы еще мнѣ пожить.

Мать бралась скорѣе за какое-нибудь дѣло, чтобы отогнать отъ себя мрачныя мысли, но онѣ настойчиво ее преслѣдовали. Совершившаяся за эту зиму перемѣна въ ея настроеніи духа не прошла ни для кого незамѣченной, не ускользнула она и отъ крестьянъ, которымъ ихъ «родимая» стала еще дороже послѣ того, какъ она выказала такое самоотверженіе во время эпидеміи и вернула въ ихъ семьи столько отцовъ, матерей и дѣтей. У поспѣловскихъ было къ ней нѣчто въ родѣ поклоненія и не у нихъ однихъ, а и въ сосѣднихъ деревняхъ, гдѣ отъ нея видѣли столько добра, гдѣ она столькихъ выходила отъ холеры. Она стала часто говорить своимъ крестьянамъ, что она можетъ умереть не сегодня-завтра.

— Пусть будетъ все у васъ какъ при мнѣ, точно я съ вами,—просила она ихъ убѣдительно.

— Что это съ родимой сталось?—говорили они межъ собой.—Куда что дѣвалось? Токмо на нее кто кручину напустилъ. Сохрани ее Господь! Смотрѣть

жалко. Ужъ не болѣзнь ли въ ней сидитъ какая, а она, голубушка, таитъ ее про себя. Долго ли до грѣха. Дай ей, Богъ, много лѣтъ здравствовать!

Елена Петровна тоже запечалилась и стало ей думаться, что съ Сашей что-то неладно, похудѣла она замѣтно, глаза казались еще больше и глубже, смотрѣли какъ-то задумчиво; на лбу появились первыя морщины.

Мать была очень много съ нами и какъ-то лихорадочно насъ ласкала; вдругъ бросится цѣловать меня и какъ будто не нацѣлуется вдоволь, или схватитъ Лелю на руки и долго, долго смотритъ на него такъ нѣжно, такъ любовно, какъ будто въ послѣдній разъ. Эти порывистыя проявленія было совсѣмъ непривычно видѣть въ мамѣ, всегда ровной въ обращеніи, всегда одинаково любящей, ласковой къ окружающимъ.

Въ задумчивыхъ глазахъ ея являлся тоже минутами какой-то лихорадочный блескъ, а силы ея уходили.

Зима эта была для нея очень тяжелая.

— Вамъ бы полечиться,—говорилъ ей озабоченно Петровъ.—Нервы у васъ совсѣмъ никуда не годятся; примите...

Мать не давала ему договорить.

— Я совсѣмъ здорова; на меня только тоска какая-то напала; такъ сердце ноетъ, точно что-нибудь

недоброе случится. Да, я знаю, это не передъ добромъ.

— Полноте, Александра Ивановна, говорилъ Петровъ,—вы просто надорвали свои силы; нужно полечиться и отдохнуть. Голову даю на отсѣченіе, что вамъ опять какой-нибудь сонъ приснился пророческій и не даетъ вамъ покоя.

Александра Ивановна не возразила ни слова на предположеніе, высказанное Петровымъ.

— Теперь меня все мучитъ мысль, какъ все тутъ будетъ, когда меня не станетъ. Григорій Петровичъ, дайте мнѣ слово, что вы останетесь здѣсь, будете такимъ же, какъ при мнѣ въ своемъ дѣлѣ; даете?

— И давать не хочу, Александра Ивановна, потому что вы должны выбросить изъ головы такія мысли.

— Не могу; ужь очень онѣ крѣпко тамъ сидятъ. Надежду Николаевну попрошу жить здѣсь съ дѣтьми, покоить маменьку и помогать вамъ на деревнѣ, продолжала Александра Ивановна, упорно преслѣдуя нить своихъ мыслей.

Еще она думала, какъ распорядиться оставшимися послѣ всѣхъ затратъ на Поспѣловку деньгами изъ дѣдушкинаго наслѣдства. Говорила она объ этомъ и съ Петровымъ. Она желала, чтобы это былъ крестьянскій капиталъ, и чтобы проценты съ него тратились только на самыя необходимыя нужды поспѣлов-

цевъ. «Кому поручить эти деньги, чтобы быть покойной, что проценты будутъ расходоваться производительно? Надеждѣ Николаевнѣ? Но это значитъ Ваню обидѣть. Развѣ съ нимъ объ этомъ поговорить?» думала Александра Ивановна.

Но совершенно неожиданно для нея, Иванъ Васильевичъ самъ затронулъ съ ней этотъ вопросъ.

— Саша, я давно хотѣлъ спросить, сколько у тебя осталось изъ отцовскихъ денегъ?

— Семь тысячъ, Ваня; я рада, что такъ много. Я часто стала думать объ этихъ деньгахъ, какъ быть съ ними.

— Что-жъ тутъ мудренаго? Надо въ банкъ положить въ Москву. Дѣтскія же онѣ; пусть поровну будутъ Лешѣ и Олѣ.

— Этого мнѣ, Ваня, и въ голову не приходило. Деньги не наши. Маменька все крестьянамъ отдала.

— Тебѣ она отдала, прямо тебѣ въ руки.

— Да мнѣ-то, мнѣ, но для нихъ, Ваня.

— Полно, пожалуйста. Елена Петровна мнѣ сама разсказывала, что дала ихъ тебѣ и сказала: «дѣлай съ ними что знаешь».

Отецъ крутилъ уже усы.

— Нѣтъ; тогда прямо было рѣшено, что это для поспѣловскихъ, возразила мать.

— Ты же это рѣшала, раздражительно замѣтилъ онъ.

— Съ согласія маменьки, Ваня.

— Положимъ; но ты забываешь, что тогда ты могла такую прихоть имѣть, а теперь другія времена.

— Почему? удивленно спросила мать.

— Тогда у тебя дѣтей не было. А теперь было бы грѣшно передъ Богомъ, о мужикахъ думать, а своихъ родныхъ дѣтей забывать,—внушительно сказалъ Иванъ Васильевичъ, думая подѣйствовать на жену «грѣхомъ передъ Богомъ».

— Что ты, Ваня, говоришь? Грѣшно было бы отнять деньги у крестьянъ для своихъ дѣтей. Леша и Оля обезпечены; имъ останутся прекрасныя средства; съ этой стороны о нихъ не можетъ быть заботы.

— Никогда лишній грошъ имѣть не мѣшаетъ, замѣтилъ отецъ.

— Но не чужой же, Ваня.

— Вотъ, нельзя тебѣ самыхъ простыхъ вещей втолковать, Саша. Это деньги дѣда и должны идти внукамъ. Мало ты изъ нихъ что-ли раздала направо и налѣво этимъ мужикамъ?

— Я ничего лишняго не тратила; я такъ берегла каждую крестьянскую копейку, Ваня. У меня нѣтъ этого на совѣсти, что я бросала ихъ деньги направо и налѣво. Я не роскошничала за нихъ ни въ чемъ, обзавела ихъ только необходимымъ; постройки

простыя, безъ затѣй, только лѣсъ хорошій и стройка прочная, простоятъ долго.

Дошло дѣло и до бабушки; отецъ повелъ маму къ ней; пусть старуха скажетъ, какъ дѣло было, когда она деньги дочери отдавала, и какъ, по ея разумѣнію, теперь Саша поступить должна. Онъ передалъ тещѣ раздражительно весь разговоръ съ женой и возникшее разногласіе объяснилъ возмутительнымъ равнодушіемъ Саши къ дѣтямъ, доходящимъ до несправедливости.

— Ну маменька, такъ кому вы деньги давали? торжественно спросилъ онъ.

— Сашѣ, батюшка, Сашѣ; сказала старушка.

— Слышишь, что̀ маменька говоритъ.

— Слышу, Ваня. Но маменька давала ихъ мнѣ для поспѣловскихъ.

— Для поспѣловскихъ, матушка, для поспѣловскихъ, повторила бабушка.

— Вы не помните вѣрно, маменька, какъ это было, поспѣшилъ сказать отецъ.

— Помню, батюшка, помню; какъ не помнить! Извелась тогда было Саша совсѣмъ изъ-за нихъ; все съ ихъ горемъ мыкалась, какъ да какъ имъ пособить. Вижу, та̀итъ моя Саша какъ свѣча; думаю, куда мнѣ ихъ, деньги-то! Живу при ней; ея вѣкъ дологъ, а мой коротокъ. На что мнѣ деньги? Одинъ у меня

расходъ—деревянное масло для лампады. Взяла, перекрестилась, да и отдала ей, Сашѣ-то.

Бабушка передохнула и продолжала:

— Умру—она меня похоронитъ, сорокаустъ закажетъ, за упокой души помолится и нищей братіи подастъ, все она же; кто же, какъ ни она, Саша? И добромъ свою старуху помянетъ.

— Такъ вы, значитъ, одобряете, чтобъ и послѣднія семь тысячъ мужикамъ пошли, а не вашимъ внукамъ.

— Да, батюшка, я хочу по желанію Саши. А внукамъ, благодаря Господа, есть вамъ что оставить; они на мать плакаться не будутъ. А Ивана Терентьевича деньги пусть поспѣловскимъ идутъ; пусть они его поминаютъ, за упокой его души молятся.

Иванъ Васильевичъ, потерявъ сраженіе, молча, угрюмый, удалился изъ комнаты Елены Петровны и не вышелъ къ вечернему чаю, что̀ случилось въ первый разъ и было признакомъ серьезнаго неудовольствія.

— Ваня разсердился, маменька, должно быть; велѣлъ сказать, что у него голова болитъ,—говорила мать бабушкѣ, когда мы съ Марьей Яковлевной ушли спать.

— Одумается къ завтраму и сойдетъ гнѣвъ на милость, отвѣчала старушка.—За что ему сердиться-то? Развѣ мы ему не толкъ говорили? Ты думаешь,

*

онъ мало денегъ-то накопилъ? Чего еще у мужиковъ оттягивать? А вотъ про храмъ замолчалъ совсѣмъ, ты бы ему напомнила, Саша.

— Я недавно ему говорила, маменька; онъ сказалъ: «все не соберусь».

— Хотѣлось бы мнѣ, Саша, у поспѣловской церкви лечь; часто объ этомъ думаю. Стара вѣдь ужъ я, пора о смерти думать. Покровъ у меня давно куплень, а мѣста-то и нѣтъ; своего храма все хочется дождаться. Не приведи Богъ, на Подошниковской землѣ схоронятъ. Еще выроетъ, чего доброго, ненавистникъ этотъ, да надъ костями насмѣется.

— Полноте, маменька; еще поживете, да и какъ знать, кому когда часъ настанетъ; можетъ мнѣ прежде васъ умирать придется,—сказала ей дочь.—Ахъ, кстати, маменька, мы о смерти заговорили; когда я захвораю, сохрани васъ Боже на меня крестъ съ мощами надѣть. Если слягу, такъ умру. А я хочу, чтобы вѣра въ него сохранилась. До сихъ поръ на кого ни надѣвали—всѣ исцѣлялись. Слышите же, маменька голубушка, не грѣшите; на меня его не надѣвайте.

И бабушка, и мать призадумались. Вошла няня и позвала маму къ дѣтямъ проститься.

— Улеглись ужъ въ кроватки, ждутъ мамочку свою поцѣловать,—сказала Вѣрушка.

Александра Ивановна быстро встала и пошла къ

дѣтямъ. Леля поцѣловалъ ее нѣсколько разъ такъ крѣпко, такъ звонко, что она сказала:

— Вотъ какъ Леля хорошо умѣетъ цѣловать маму.

Я обвила ея шею руками, цѣловала маму въ губки, въ лобикъ, въ глазки, и никакъ не хотѣла отпускать ея отъ себя. Мы видимо растрогали маму лаской и когда она, перекрестивъ насъ, прощалась съ няней, — Вѣрушка замѣтила у нея слезы на глазахъ.

Мать прошла проститься съ бабушкой, которую ужъ застала на молитвѣ, а потомъ отправилась мириться съ отцомъ.

XI.

На другой день отецъ всталъ въ духѣ и, встрѣтившись съ бабушкой, поздоровался съ ней почтительно, какъ всегда.

— Что Саша не идетъ чай пить?—спрашивали они оба, усѣвшись за самоваръ.—Поищи-ка Александру Ивановну, Агафья; гдѣ она тамъ захлопоталась?—говорилъ отецъ.

— Не у Семена ли кузнеца? онъ вчера захворалъ,—замѣтила бабушка.

Агафья совалась туда и сюда, спрашивала не видалъ ли кто Александру Ивановну, не на деревню ли

пошла, но отъ всѣхъ получались отрицательные отвѣты. Наконецъ Агафья подошла къ спальнѣ, окликнула Александру Ивановну и какой-то неясный звукъ донесся до нея въ отвѣтъ. Она поспѣшно отворила дверь и увидала мать, лежащую въ постели; щеки ея горѣли; глаза были закрыты; она казалась очень слабой. Агафья бросилась доложить отцу и бабушкѣ, оба поспѣшили къ Сашѣ.

Общее волненіе охватило весь домъ; не запомнятъ чтобъ Александра Ивановна хоть одинъ день лежала больная, это было для нея дѣло непривычное. Послали за Петровымъ. Тотъ страшно встревожился, потому что давно ужъ боялся за Александру Ивановну и подозрѣвалъ, что она все пересиливаетъ въ себѣ недугъ.

— Я такъ и зналъ, — вырвалось у него, когда ему объявили о ея болѣзни.

Онъ осмотрѣлъ ее взволнованно, пощупалъ пульсъ, далъ изъ домашней аптеки что̀ находилъ нужнымъ и, выйдя въ сосѣднюю комнату, сказалъ отцу:

— Иванъ Васильевичъ, мой совѣтъ: послать сейчасъ же за докторомъ, только въ Т*, а не за этимъ К-мъ нѣмцемъ, котораго звали къ Олѣ; онъ ничего не смыслитъ. Тутъ надо знающаго, основательнаго врача и медлить нельзя; пульсъ ужасно скорый.

— Сейчасъ, сейчасъ, — сказалъ страшно перепуганный отецъ.

— Развѣ очень плоха?—дрожащимъ голосомъ чуть слышно спросила Петрова бабушка.

— Не хороша, Елена Петровна, но не пугайтесь; я не хочу сказать, что не поправится Александра Ивановна, а только зѣвать нельзя. Она вѣдь давно больна, да все лечиться не хотѣла. Съ самой холеры она на себя не похожа; очень силы надорвала себѣ. Да и чего насмотрѣлась; она же такая участливая.

Всѣ въ домѣ ходили на цыпочкахъ; мы хотѣли взглянуть на маму, но намъ сказали, что ей нуженъ покой и тогда она скоро встанетъ. Совсѣмъ убита и безутѣшна была няня, потому что, какъ потомъ узнали, ей мать разсказала свой сонъ, о которомъ никому больше не говорила. Къ вечеру больная начала метаться и стонать; жаръ усиливался. Всѣмъ ея состояніе очень напоминало мою болѣзнь.

Губернскій городъ Т*. былъ въ полутораста верстахъ отъ Поспѣловки; посланный вернулся съ вѣстью, что не засталъ доктора въ городѣ и тотъ пріѣхалъ только на третьи сутки къ больной.

Въ передней отбою не было отъ поспѣловскихъ, все приходили узнавать, «что̀ съ родимой», полегчало ли ей, голубушкѣ, хоть маленько? Спаси ее, Господи!»

Каждый день справлялся и Николай Михайловичъ и дѣлился вѣстями въ школѣ съ ребятами.

Докторъ внимательно осмотрѣлъ Александру Ива-

новну, нашелъ ее опасно больною, долго говорилъ съ Петровымъ и далъ всѣ должныя указанія. Отецъ щедро отблагодарилъ врача и умолялъ пріѣхать еще, какъ только возможно скоро. Петровъ, послѣ отъѣзда доктора, сталъ еще угрюмѣе; онъ постоянно былъ при больной и когда его требовали на деревню—это его раздражало, такъ неохотно онъ отлучался отъ мамы. Она лежала въ бреду, никого не узнавала, не приходила въ себя хотя бы то на нѣсколько минутъ. Всѣ въ домѣ и на деревнѣ были въ страшномъ унынiи.

Надежда Николаевна схоронила отца и была по дѣламъ въ Москвѣ; Петровъ, не говоря никому ни слова, написалъ ей о трудномъ, почти безнадежномъ положенiи Александры Ивановны, но письмо его застало самою Надежду Николаевну больною.

Крестьяне ходили за пять верстъ служить молебны за здравiе «родимой»; отецъ по вечерамъ раскладывалъ карты; бабушка все дольше и дольше стояла на молитвѣ; старуха няня вздыхала и плакала; мы тосковали и нетерпѣливо ждали когда мама встанетъ.

Такъ мучительно тянулись день за днемъ, недѣля за недѣлью. Прошла и масляница; и въ первый разъ не было похоже на праздникъ въ Поспѣловкѣ; не только было не до катанья, но ни одного блина не испекли ни на барскомъ дворѣ, ни на деревнѣ.

По временамъ больная бывала спокойнѣе, но потомъ состоянiе ея опять ухудшалось, глаза раскрыва-

лись широко, смотрѣли совсѣмъ безсмысленно и она не находила себѣ мѣста на широкой кровати: металась, стонала и затѣмъ наступало опять полное безсиліе. Докторъ пріѣзжалъ три раза въ три недѣли и сказалъ въ послѣдній разъ Петрову, что пріѣзжать ему больше не за чѣмъ, дни больной сочтены. По лицу доктора и Петрова не трудно было понять, что приговоръ надъ мамой произнесенъ. Такъ понялъ отецъ; такъ поняла и бабушка; но тѣмъ не менѣе надежда ихъ не покидала и обычныя утѣшенія являлись у того и другого: «докторъ не Богъ; мало ли что они говорятъ, а выходитъ совсѣмъ иначе. Господь не безъ милости. До послѣдней минуты все есть надежда; нельзя рѣшать напередъ что будетъ; все въ волѣ Божьей».

— Вотъ и Олечку тогда тоже на смерть обрекли,—говорила Елена Петровна,—а Господь ее...

И вдругъ лицо бабушки просіяло; она вспомнила о совершившемся надо мной чудѣ, о завѣтномъ крестѣ, и вопреки наказу дочери она бросилась въ шкафчикъ кіоты, вынула оттуда крестъ съ мощами и, съ твердой вѣрой въ выздоровленіе своей Саши, надѣла его на нее. Съ той минуты въ душѣ бабушки явился миръ и она съумѣла убѣдить отца, что теперь грѣшно и бояться за Сашу; это значило бы не вѣрить въ Господа.

— И какъ это мнѣ раньше въ голову не пришло?—говорила старушка, совсѣмъ ободренная и

счастливая.—Точно память у меня отшибло; вдругъ, крестъ-то у меня изъ ума вонъ! Нужно же было такому грѣху случиться! Господи, очисти мя, грѣшную.

Бабушка утѣшила и няню, няня Агафью, Дениса, а отъ нихъ слухъ и на деревню дошелъ, что «быть живой нашей матушкѣ Александрѣ Ивановнѣ, во св. мощи ее со вчерашняго дня облекли и лежитъ наша голубушка покойно».

Всѣхъ охватилъ лучъ надежды. Вѣра—великое дѣло, а кто умѣетъ такъ вѣрить, какъ русскій человѣкъ. Одинъ Петровъ не поддавался общему впечатлѣнію и былъ угрюмъ и молчаливъ.

И въ домѣ, и на деревнѣ точно всѣ ожили, и всякое дѣло какъ будто стало у крестьянъ спориться; бабушка и отецъ ужъ начали поговаривать о томъ времени когда Саша встанетъ; бабушка обѣщала тогда икону Святителя Митрофанія заказать, серебряную ризу на него вымѣнить и неугасимую лампаду у образа жечь, а отецъ побожился, что къ постройкѣ храма приступитъ.

Пошла пятая недѣля какъ заболѣла мама. Утромъ ранехонько, это было 17-го марта, Петровъ послалъ няню за бабушкой и отцомъ, чтобы скорѣе шли, Александра Ивановна въ память пришла и его узнала.

— Совершилъ Господь чудо!—съ благоговѣніемъ произнесла бабушка, спѣша съ отцомъ къ Сашѣ. Оба вошли къ ней сіяющіе и бросились къ ея постели.

Мать лежала блѣдная, спокойная. Бабушка поцѣловала ее въ лобъ; отецъ приложился къ ея рукѣ; больная ласково взглянула на нихъ.

— Маменька, Ваня,—слабымъ голосомъ сказала она,—я хочу собороваться сегодня.

— Что же, голубушка моя, доброе дѣло если желаніе есть,—были слова бабушки.

— Тебѣ вѣдь гораздо лучше, Саша?—въ недоумѣніи проговорилъ отецъ.

— Такъ что же?—замѣтила бабушка.—Отчего не пособороваться?

— Который часъ теперь?—спросила мать.

— Шесть часовъ.

— Такъ пошлите сейчасъ за батюшкой; поскорѣе, пожалуйста, Ваня,—прибавила она вслѣдъ уходящему отцу.

— А дѣти встали, маменька?

— Нѣтъ еще, родная, спятъ. То-то имъ-то радость будетъ; ужъ такъ онѣ, сердечныя, по тебѣ стосковались.

— Пусть мнѣ ихъ приведутъ какъ встануть; хочется ихъ видѣть, поцѣловать. И еще, маменька, я хочу видѣть поспѣловскихъ; пусть придутъ, кто хочетъ, на службу.

— Устанешь, Саша, отъ народу-то.

— Нѣтъ, нѣтъ, маменька, непремѣнно. Велите оповѣстить на деревнѣ,—волнуясь сказала больная.

— Хорошо, хорошо; не тревожься только.

Больная закрыла глаза, какъ бы отъ усталости, и лежала молча.

Привели меня и Лелю; мама не выдержала, слезы появились у нея на глазахъ; радость наша ее тронула. Мы цѣловали не только мать, ея руки, но даже одѣяло, которымъ она была покрыта.

— Мамочка, ты здорова; ты опять наша; ахъ, какъ страшно было, чтобъ ты не ушла отъ насъ.

При этихъ словахъ по лицу матери пробѣжала судорожная дрожь.

— А вы были добрые безъ мамы? никого не обижали, слушались всѣхъ, да?

— Да, мамочка, да.

— А молитвы не забыли?

— Нѣтъ; няня утромъ и вечеромъ велѣла намъ ихъ читать.

Мать заставила насъ прочесть извѣстныя намъ молитвы; мы знали всѣ твердо и прочли ихъ ясно, не спѣша. Мама нѣжно глядѣла на насъ, но сквозь этой нѣжности проглядывала затаенная мука.

Пріѣхалъ священникъ съ причтомъ; собрались поспѣловскіе; началась служба. Лицо матери принимало все болѣе и болѣе спокойное выраженіе; она молча крестилась и не спускала глазъ съ иконы Божьей Матери въ кіотѣ. Совершили надъ мамой обрядъ соборованія; она слабымъ, спокойнымъ голосомъ

сама прочла надъ собой отходную, со словъ священника.

Потомъ всѣ начали прощаться съ нею, начиная со своихъ и кончая послѣднимъ крестьяниномъ изъ явившихся на церемонію. Мы не поняли, что это было прощаніе, а вообразили, что маму всѣ поздравляютъ съ выздоровленіемъ, что̀ мы и продѣлали съ радостными лицами.

Наконецъ всѣ вышли изъ комнаты, кромѣ бабушки, отца и насъ двоихъ. Мама подозвала отца, поцѣловала его и что-то тихо говорила ему; затѣмъ то же она повторила съ бабушкой, а послѣ сдѣлала намъ знакъ подойдти. Мы подошли къ ней; она насъ перекрестила, обняла и поцѣловала только по одному разу, но поцѣлуя этого намъ вѣкъ не забыть,—столько въ немъ было любви, такой онъ былъ долгій этотъ поцѣлуй, такъ полонъ значенія, такъ вѣрно передавалъ онъ ту неизъсякаемую горячую любовь, какую можетъ дать только мать и которая ни съ какою другою сравниться не можетъ.

— Теперь я усну,—сказала она, бросивъ намъ взглядъ, полный ласки и просила бабушку покрыть ей лицо платкомъ.

Пробило полдень, и удары часовъ показались мнѣ какими-то зловѣщими. Мы всѣ стояли молча и точно ждали чего-то. Но мама больше не взглянула на насъ; это былъ ея послѣдній взглядъ, и когда ба-

бушка, черезъ нѣсколько минутъ, сняла платокъ съ ея лица—мама лежала съ закрытыми глазами блѣдная, спокойная, но безжизненная.

Отецъ какъ стоялъ, такъ и грохнулся объ-полъ за-мертво; съ нимъ сдѣлался обморокъ. Бабушка упала на свою Сашу и громко рыдала, потомъ начала кричать. Ее и отца вынесли на рукахъ и уложили. Мы продолжали стоять около матери, дрожа отъ какого-то невольнаго страха, но въ сущности не отдавая себѣ отчета въ постигшемъ насъ несчастіи.

Легко себѣ представить, что было потомъ: общее смятеніе, всхлипыванія, рыданія, причитанія прислуги, которая окружила мать и собиралась совершать всѣ тяжелые обряды надъ усопшей; всѣмъ имъ она была дорога, всѣ они чувствовали, что никто имъ ея не замѣнитъ; они знали что они теряютъ.

Обмыли, одѣли нашу дорогую маму и положили на столъ въ залѣ, въ той самой, гдѣ всегда собирались крестьяне на бесѣды. Тутъ лежала она теперь мертвая. Въ головахъ у нея поставили образъ и затеплили свѣчу передъ нимъ.

Ужасная вѣсть быстро разнеслась по деревнѣ и народъ шелъ поклониться дорогому праху. Пустили и насъ наконецъ. Увидавъ маму на столѣ, при такой обстановкѣ, мы все поняли; поняли, что она больше не встанетъ, что ее призвалъ къ себѣ Господь, какъ объяснила намъ няня. Мы плакали и кричали въ ка-

комъ-то изступленіи и какъ бы въ раздраженіи на Бога:

— Какой же Онъ добрый, коли Онъ взялъ у насъ маму! Зачѣмъ, зачѣмъ Онъ отнялъ ее у насъ?

— Что вы, дѣти? Не гнѣвите Господа. Грѣхъ говорить такія слова,—увѣщевала насъ няня.—Лучше подите помолитесь.

Мы послушались, пошли въ ту комнату, гдѣ мама скончалась, затеплили восковую свѣчу передъ кіотой и, вспомнивъ слова покойной, что всякая добрая молитва услышится Господомъ, начали вслухъ просить Его отдать намъ маму, говорили Ему, что мы ее любимъ, что безъ нея мы жить не хотимъ, что Ему она не нужна.

Но Онъ не слышалъ нашихъ молитвъ и мама попрежнему лежала недвижимая на столѣ.

Всѣ насъ утѣшали, уговаривали; говорили намъ, вѣроятно, много всякихъ обычныхъ фразъ, не имѣющихъ никакого смысла. Мы не унимались и рыдали до изнеможенія.

Наступилъ вечеръ; Николай Михайловичъ и старшіе ученики, въ томъ числѣ и Денисъ, по-очереди читали псалтирь по матери; въ прочихъ комнатахъ было какъ въ могилѣ темно и тихо; пріѣхалъ опять батюшка съ дьякономъ и дьячкомъ, одѣлись всѣ въ черное и служили панихиду. Пѣніе и общія рыданія оконча-

тельно уходили наши дѣтскіе нервы; мы рыдали и убивались пуще прежняго.

Доплакались до того, что оба заснули. Помню, какъ ужасно было пробужденіе на другое утро. Какъ только я открыла глаза, я не сразу вспомнила, что у меня нѣтъ больше мамы, но когда я сознала это—я залилась горькими слезами. Мнѣ казалось, что и вставать незачѣмъ, когда мамы нѣтъ съ нами. Кому же нужно, чтобъ я встала? Да и какъ все и всѣ у насъ будутъ безъ мамы? Мнѣ казалось, что съ ея исчезновеніемъ должна была и жизнь всѣхъ насъ остановиться.

Наѣхало много сосѣдей съ заявленіями участія и за распросами; охали, ахали, жалѣли бѣдныхъ дѣтокъ, но жалѣли и ласкали насъ такъ казенно, тупо, только языкомъ, а не сердцемъ, что мнѣ даже противно было отъ ихъ жалости и ласкъ. Намъ ли было не знать, какъ ласкаютъ и жалѣютъ!

Не только домъ былъ переполненъ простымъ народомъ, но даже весь дворъ; народъ шелъ, шелъ, и откуда бралось его столько, что и конца ему не было.

Опять панихида и плачъ, но она не произвела уже на меня того впечатлѣнія, какъ наканунѣ, точно нервы мои притупились; я безучастно глядѣла, слушала и стояла истуканомъ; братъ безсознательно подчинялся мнѣ въ этихъ исключительныхъ для насъ условіяхъ и дѣлалъ все, какъ я. Рада я была, когда гости разъѣхались; присутствіе же крестьянъ въ такомъ несмѣтномъ

числѣ мнѣ нравилось; я понимала, что они дѣйствительно любили мать и жалѣютъ ее искренно; ихъ слезы мнѣ казались неподдѣльными, какъ мои.

Третій день былъ крайне мучительный для насъ; мы увидали маму въ гробу. Этотъ ужасный ящикъ, въ которомъ ее должны были увезти отъ насъ, былъ намъ страшенъ до-нельзя, и когда мы, неподготовленные, вошли въ залу и увидали маму уже заключенную въ эти узкія стѣнки и покрытую покровомъ, пріобрѣтеннымъ бабушкой для себя, — мы вскрикнули пронзительно и бросились вонъ изъ залы. Насъ долго не могли утѣшить и не знаю что̀ бы отвлекло насъ отъ этого невыразимо тяжелаго впечатлѣнія, еслибы не пріѣздъ изъ Москвы Надежды Николаевны, которой мы обрадовались отъ души; она съ трудомъ могла скрыть отъ насъ свое отчаяніе. Бабушка еле выстаивала панихиды, а то все лежала. Отецъ ходилъ совсѣмъ растерянный, безцѣльно изъ одной комнаты въ другую. Петровъ не показывался. Говорили, страшно было смотрѣть на него, такъ онъ былъ убитъ. Марья Яковлевна читала у себя въ комнатѣ «Stunden der Andacht» и предоставляла насъ самимъ себѣ. Няня что-то много разсказывала Надеждѣ Николаевнѣ. Я слышала, какъ Надежда Николаевна спросила ее:

— Когда хоронятъ?

— Хотѣли завтра, матушка, да отложить пришлось.

— Отчего, няня? Такъ тяжело дѣтямъ все это видѣть, и Ивану Васильевичу, и Еленѣ Петровнѣ.

— Да все народъ идетъ, толпами просто валитъ; всю деревню запрудили, и Крыловка вся полнехонька пришлымъ людомъ; Богъ знаетъ, откуда только не идутъ и не ѣдутъ, и пѣшкомъ, и верхомъ—гдѣ теперь проѣзда нѣтъ; а то, кто на саняхъ, кто на телѣгѣ. Всѣ поклониться ей ѣдутъ, нашей голубушкѣ. Кто только ея не зналъ и кто отъ нея добра не принялъ!

Дѣйствительно, за сто, за полтораста верстъ ѣхалъ народъ, и гонцовъ впередъ верховыхъ посылали просить отца не предавать землѣ праха покойной, потому что все еще идутъ и ѣдутъ желающіе проститься съ дорогими останками. И не вѣдали домашніе, какъ далеко и на кого распространяла добрыя дѣла свои Александра Ивановна, гдѣ и кто ее благословлялъ и дивился ея рѣдкой добротѣ.

Наступили пятыя сутки послѣ кончины мамы, а съ ними и потрясающая минута разлуки съ дорогимъ ея обликомъ. Все-таки она была тутъ, гдѣ и мы; мы могли смотрѣть на нее, и цѣловать ее намъ позволяли, хоть и холодную, недвижимую, не отвѣчающую на нашу ласку. Мы съ братомъ подолгу стояли около нея и не спускали съ нея глазъ и въ гробу потомъ. Но вотъ, всѣ прощаются съ ней; рыданія сильнѣе, чѣмъ всѣ дни; подходимъ и мы, насъ поднимаютъ,

чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать мать; мы обливаемся слезами и насъ съ трудомъ могутъ оторвать отъ нея; потомъ крышка... дальше я ничего не видала, я закрыла глаза и рыдала безутѣшно. Помню, что среди общаго вопля, рыданій и криковъ я все-таки слышала нѣсколько ударовъ молотка... Этимъ для меня все кончилось. Меня вынесли безъ чувствъ, и когда я очнулась—около меня сидѣла Надежда Николаевна, а я, раздѣтая, лежала въ постели. Я рада была увидѣть не Марью Яковлевну, а Надежду Николаевну; она была для насъ какъ бы самая крохотная частичка мамы, потому что мы такъ часто видѣли ихъ вмѣстѣ и знали, что мама любила ее.

Я вѣрно уснула послѣ всѣхъ этихъ сильныхъ ощущеній, потому что когда я увидала Надежду Николаевну возлѣ себя—уже горѣли свѣчи, былъ вечеръ. Я чувствовала страшную измученность; меня напоили чаемъ и я уснула. Ни отца, ни бабушки я въ тотъ вечеръ не видѣла. Леля спалъ.

XII.

Потянулись дни за днями; пусто и тихо было у насъ въ домѣ—до невѣроятности; мнѣ казалось, что всѣ двигались и говорили точно не живые; жизни не

было ни въ комъ и ни въ чемъ, ее унесла съ собой мама.

Помню, какъ надѣли на меня черное платье и я вспомнила, какъ мама читала мнѣ про одну сиротку, которую тоже одѣли, послѣ смерти ея мамы, въ черное платье и какъ ей потомъ худо было жить на свѣтѣ. «Неужели и мнѣ такъ же худо будетъ, какъ той маленькой Полѣ?» подумала я. И мнѣ такъ защемило сердце, и такъ стало страшно, страшно.

Бабушка захворала; Петровъ тоже слегъ въ самый день похоронъ; отецъ держался на ногахъ, но былъ неузнаваемъ, такъ его перевернуло въ эти нѣсколько дней. Няня, Агафья, Денисъ, Авдотья-глухая — ходили постоянно съ заплаканными глазами. Авдотья была тоже въ черномъ каленкоровомъ платьѣ, она послѣ кончины мамы раздала всѣ свои красныя платья и стала носить черное.

Не знаю, ошибалась ли я или это дѣйствительно такъ было, но мнѣ казалось, что я вдругъ точно выросла нравственно, стала старше, понятливѣе, серьезнѣе; я стала задумываться надъ нашей дальнѣйшей судьбой съ братомъ и какъ-то глухо сознавала, что эта наша судьба съ нимъ сложится отдѣльно отъ судьбы отца, гдѣ-то далеко, въ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей. И мнѣ становилось жутко при этой мысли.

Надежда Николаевна выводила насъ гулять, чтобы

развлечь насъ и подкрѣпить весеннимъ воздухомъ наши пострадавшіе нервы. Но едва-ли это достигало цѣли; видъ деревни, поспѣловскихъ крестьянъ, школы, больницы—однимъ словомъ всего, что жило матерью и чѣмъ жила она—нагонялъ на меня, девятилѣтнюю дѣвочку, страшную тоску, доставлялъ мнѣ сердечную муку. Я вѣрила, по разсказамъ няни, что шесть недѣль душа мамы еще остается на землѣ и все пытливо допрашивала Надежду Николаевну, какъ она думаетъ, гдѣ теперь душа мамы, можетъ быть въ которой-нибудь избѣ. «Ахъ, какъ я хотѣла бы знать, гдѣ; я пошла бы туда и увидала бы ее тамъ; и какъ бы я была рада, и мама тоже!» Я, конечно, раздирала этимъ душу Надеждѣ Николаевнѣ, которая сильно любила мать.

Стала бродить бабушка; поправился и Петровъ, хоть измѣнился ужасно. Онъ много бесѣдовалъ съ Надеждой Николаевной, и изъ этихъ бесѣдъ въ полголоса до меня все-таки доходило не разъ имя матери, а какъ-то я очень ясно слышала, какъ онъ сказалъ Надеждѣ Николаевнѣ, что Александра Ивановна умерла отъ нервной горячки.

За ученіе мы не принимались и были съ Марьей Яковлевной вообще очень мало, только въ крайности. Отецъ какъ будто не зналъ о чемъ съ нами говорить и вообще ему видимо страшно тяжело было смотрѣть на насъ; онъ привыкъ всегда въ своихъ представленіяхъ соединять насъ съ матерью.

Какъ-то разъ, вернувшись съ прогулки, мы застали бабушку въ большомъ горѣ.

— Что случилось, Елена Петровна? — спросила Надежда Николаевна.

— Ахъ, матушка, такая бѣда, такая, что и ума не приложу.

— Что же такое?—тревожно говорила Надежда Николаевна.

— Господи, грѣхъ какой! Видно мы прогнѣвили Господа,—продолжала бабушка, но все еще дѣла не говорила.

Она была такъ взволнована, что задыхалась.

Надежда Николаевна ея не перебивала.

— Тогда... въ горѣ-то... не до того было... про все я, старуха, позабыла. А сегодня... пошла я въ божницу... смотрю, крестъ-то съ мощами брошеный лежитъ. Онъ вѣдь на Сашѣ, покойницѣ, былъ; ну вотъ, тогда вѣрно въ торопяхъ кто-нибудь снялъ и бросилъ въ божницу не прибравши.

Бабушка опять остановилась.

— У насъ-то онъ въ коробочкѣ, въ ваткѣ, лежалъ. Охъ, Господи, напасть какая!

Мы всѣ ничего не понимали.

— И взяла-то я его въ руки, перекрестилась, приложилась, да и открыла...

Бабушка тяжело вздохнула.

— Все тамъ лежитъ на мѣстѣ, и вощичекъ, и

щепочки отъ гроба Господня, а частички-то отъ раки св. Митрофанія и нѣтъ! — съ ужасомъ въ голосѣ произнесла бабушка.

— Что вы, Елена Петровна? — не съ меньшимъ ужасомъ переспросила Надежда Николаевна.

Былъ тутъ и Петровъ; онъ не сказалъ ни слова.

— Да, матушка, нѣтъ какъ нѣтъ! Вотъ какое чудо совершилось. И какъ я это Ивану Васильевичу скажу! Не достойны мы, вѣрно, грѣшные, такую благодать въ домѣ имѣть, безъ Саши; вѣдь это она у насъ праведница была.

Бабушка заплакала, закашлялась и разговоръ прекратился. Исчезновеніе святыни произвело и на меня сильное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что это что-то недоброе для насъ.

Рѣшилась бабушка передать объ этомъ и отцу, и тотъ сильно этимъ взволновался. — Это все за мои грѣхи, — сказалъ онъ; — я все о храмѣ-то только разговаривалъ. А вотъ теперь и пришлось Сашу на Подошниковской землѣ похоронить; грѣхъ какой!

— А вѣдь Саша, покойница, этотъ крестъ Оленькѣ завѣщала, — заявила бабушка. — «Вотъ, говоритъ, маменька, если я умру», все она вѣдь о смерти стала толковать; вѣрно сердце ея чуяло, что не долго ей жить, моей голубушкѣ. «Вотъ, говоритъ, маменька, если я умру, крестъ-то Олѣ на счастье; изъ-за нея вѣдь эта благодать надъ нашимъ домомъ проявилась; пусть

она имъ и владѣетъ; пусть онъ ей счастье принесетъ. Да еще я благословляю ее образомъ Пресв. Богородицы, что въ кіотѣ, а Лелю Спасителемъ.

— Значитъ, бабушка, мнѣ теперь счастья и не будетъ?—съ грустью спросила я.

— Богъ милостивъ, Оленька; зачѣмъ такъ думать!—отвѣтила бабушка.

— Знаете ли, Елена Петровна, что̀ мнѣ кажется,—сказалъ Петровъ,—не польстился ли кто нибудь на эту святыню, да и вынулъ ее изъ креста когда его сняли съ Александры Ивановны; вѣдь тутъ никого изъ васъ тогда не было. Это, по моему, очень и очень вѣроятно.

— Кто бы посягнулъ на это!—Чудо это отъ Господа; надо покориться!—задумчиво произнесъ отецъ.

— А еще, какъ покойница-Саша прощалась со мной послѣ соборованія, она мнѣ сказала: «въ двѣнадцать часовъ, маменька, я умру. Не горюйте. Дѣтей Господу Богу поручаю».

— А мнѣ, прощаясь, Саша сказала: «Не оставь, Ваня, поспѣловскихъ. Деньги въ божницѣ. Господь съ тобою».

— Батюшка Иванъ Васильевичъ, матушка Алена Петровна,—вмѣшалась въ разговоръ няня,—вѣдь мнѣ покойница Александра Ивановна разсказывала, что ей сонъ такой былъ, а, можетъ, видѣніе: явился монахъ въ облаченіи и говоритъ ей: «Богъ тебя зоветъ;

будь готова;» благословилъ ее и еще сказалъ: «въ день Алексѣя Божья человѣка, въ самый полдень!» и пропалъ.—Вотъ она, матушка, съ той поры и стала все про смерть говорить.

— То-то она мнѣ и наказывала, покойница:

«Маменька, на меня, какъ захвораю, ни подъ какимъ видомъ креста не надѣвайте; Не хочу, чтобы въ него вѣра у народа пропала».—А я, старая дура, возьми да и надѣнь на нее. Думаю, коли доктора помочь не умѣютъ—Господь ее воскреситъ! А вонъ какой грѣхъ изъ этого самаго вышелъ!

— Видно такъ Богу угодно!—торжественно закончилъ отецъ.

— А крестъ пусть все-таки Оленькинъ будетъ!—добавила бабушка.

Онъ мнѣ и достался.

Стало тепло: насъ все гнали на воздухъ, но мы шли неохотно. Не знаю какъ Лелѣ, а мнѣ все стало немило. Когда Надежда Николаевна предлагала намъ что нибудь прочесть—я первая кричала:

— Нѣтъ, нѣтъ! — потому что намъ всегда читала только мама.

Дни тянулись долго, долго для меня. Братъ игралъ въ свои игрушки, а мнѣ до моихъ было все равно. Подходили къ намъ крестьяне, тужили надъ нами, а сами были такіе убитые, что мнѣ ихъ жаль было.

— Сиротки вы, бѣдные, остались безъ матушки,—

говорили они намъ. — Да она, родимая, не то што вамъ, намъ мать родная была. И мы безъ нея сироты стали. Царствіе ей небесное! Жить бы ей да жить, нашей голубушкѣ; усейка няня-то сказывала, всего ей тридцать девять годковъ было; ну что это еще за года! Вонъ какія у насъ на деревнѣ старухи живутъ. А ей Господь Богъ вѣку не далъ; къ себѣ прибралъ. Знать, она ему люба была. А мы, горемыки, остались безъ нашей родимой.

Я любила слушать какъ они говорили о мамѣ; чувствовалось, что горе ихъ было неподдѣльное и запало глубоко имъ въ душу.

Марья Яковлевна уѣхала, и какъ она ни желала придать трогательнаго оттѣнка прощанію съ нами — оно все-таки было какое-то натянутое, равнодушное.

Мы узнали по секрету отъ няни, что насъ увезутъ въ Петербургъ или Москву въ ученье. Я не могла тогда отдать себѣ точнаго отчета какое впечатлѣніе произвело на меня это извѣстіе. Думаю, я не ошибусь если скажу, что мнѣ было жаль не столько людей, какъ роднаго гнѣзда, тѣхъ стѣнъ, въ которыхъ мы жили такими счастливыми съ матерью, того луга, той Поспѣловки, гдѣ такъ часто мы съ ней ходили и видѣли столько правды и любви въ ея отношеніяхъ къ окружающимъ.

Отецъ въ то же лѣто заложилъ храмъ. Няня сказала правду: осенью насъ отвезла Надежда Николаевна

въ Петербургъ учиться. И *мои* мысли оправдались: мы разстались съ семьей, съ поспѣловскими и очутились одни, далеко, далеко, въ большомъ чужомъ городѣ, среди чужихъ людей, настоящими сиротами.

Хорошо, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей!

XIII.

Пятнадцать лѣтъ спустя мнѣ удалось въ первый разъ посѣтить могилу матери. Прекрасный памятникъ изъ сѣраго мрамора виднѣлся издалека среди простыхъ деревянныхъ крестовъ сельскаго кладбища. Подойдя къ могилѣ я замѣтила еще на ней большой чугунный крестъ съ надписью «*Родимой отъ поспѣловскихъ*».

Могила занимала большое пространство у самой церкви, сплошь усѣянное цвѣтами и обнесенное чугунной рѣшеткой. Видно было, что за могилой есть уходъ, что «родимую» навѣщаютъ.

Всю меня охватило какое-то радостное волненіе, и воспоминанія счастливаго дѣтства, далекаго прошлаго заполонили мою душу. Долго стояла я надъ дорогимъ прахомъ, отдаваясь своимъ думамъ и забыла обо всемъ. Но чей-то голосъ вывелъ меня изъ забытья.

— Можетъ, панихиду отслужить желаете? говорилъ сгорбившійся старичекъ въ лохмотьяхъ, съ сумой за спиной.

— Да, хотѣлось бы, да не знаю гдѣ батюшку найдти, — отвѣчала я.

Старичекъ обѣщалъ привести его сейчасъ на могилу. И дѣйствительно, священникъ съ дьячкомъ очень быстро очутились передо мной.

— По Александрѣ Ивановнѣ желаете служить? — спросилъ меня высокій, русый священникъ, съ прекрасными карими глазами и очень умнымъ выраженіемъ лица; ему было на видъ лѣтъ тридцать пять.

— Да, по ней, отвѣчала я, — протягивая ему руку.

Обрядъ прошелъ быстро.

Поблагодаривъ священника я спросила кто содержитъ могилу въ такомъ порядкѣ.

— Сосѣдніе крестьяне, поспѣловскіе; рѣдкое воскресенье кто-нибудь не бываетъ. Чтутъ покойницу они, точно вчера ея не стало. Добрыя дѣла ея помнятъ.

— А вы, сударыня, сродни ей приходитесь? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, батюшка, нерѣшительно проговорила я.

Отецъ, къ которому я, овдовѣвъ, пріѣхала погостить лѣтомъ, жилъ тогда въ другомъ уѣздѣ, во вновь пріобрѣтенномъ имѣніи, въ 300-хъ верстахъ отъ Поспѣловки, и взялъ съ меня слово не заѣзжать въ Поспѣловку, не объявлять священнику, что я дочь покойной. Тутъ только, въ домѣ батюшки, я узнала, почему это было нежелательно отцу.

— А вы издалека пожаловали? продолжалъ священникъ.

— Да; я не здѣшняя; но мнѣ было бы интересно знать какъ живутъ теперь въ Поспѣловкѣ; я много слыхала отъ моей матери объ Александрѣ Ивановнѣ,— сказала я уже нѣсколько смѣлѣе.

Онъ пригласилъ меня напиться чаю; я приняла очень охотно его предложеніе отправиться къ нему. Началась бесѣда. Слово за слово, договорились до креста съ мощами въ семействѣ Корниловыхъ, и до цѣлебной частички отъ раки угодника, исчезнувшей такимъ чудеснымъ образомъ.

Петровъ былъ правъ: ее украла одна старушка изъ дворовыхъ, въ минуты общаго смятенія, и впослѣдствіи покаялась батюшкѣ на духу!.. Наша бесѣда была прервана пріѣздомъ сосѣдняго помѣщика и вотъ что я узнала отъ него о судьбѣ поспѣловскихъ.

Первый годъ послѣ кончины Александры Ивановны, Иванъ Васильевичъ совсѣмъ растерялся; онъ не зналъ какъ быть съ крестьянами, которые, благодаря родимой, привыкли жить на совершенно исключительномъ положеніи. Поспѣловскимъ тоже было жутко очутиться въ полномъ вѣдѣніи барина, который ихъ прежде совсѣмъ мало касался. Когда же Иванъ Васильевичъ оправился отъ горя, осмотрѣлся, а главнымъ образомъ наслушался наставленій сосѣдей,— онъ началѣ гнуть все по-своему. Уволилъ онъ учителя и

Петрова; перваго потому, «что ужъ и своихъ теперь много грамотныхъ развелось на деревнѣ, да и ученіе это только отъ крестьянской работы парнишекъ и дѣвчатъ отваживаетъ»; второго «потому, что больныхъ вовсе нѣтъ, а холера или другая такая напасть, Богъ дастъ, минуетъ Поспѣловку; больница—одно баловство, только нѣжиться пріучаетъ». Николай Михайловичъ уѣхалъ, а Петровъ просилъ разрѣшенія остаться на деревнѣ безъ жалованья, поселился у одного изъ крестьянъ. Иванъ Васильевичъ этому не препятствовалъ; Петровъ могъ пригодиться.

Надежда Николаевна только годъ прожила послѣ Александры Ивановны.

Елена Петровна убѣждала зятя не ломать всего послѣ Саши, оставить все по старому, какъ ей было любо, какъ народъ привыкъ, а то до бѣды не долго; Иванъ Васильевичъ не слушался, боялся избаловать народъ, что̀ къ добру не поведетъ.

Имъ совершенно завладѣла экономка, которой онъ поручилъ домашнее хозяйство въ порядкѣ держать и за дворовыми наблюденіе имѣть; тещѣ эти обязанности были не подъ силу. Ѳедосья Евдокимовна, молодая вдова изъ крѣпостныхъ-же, хитрая, властолюбивая, недоброжелательная, умѣла барину во всемъ угодить, обо всемъ донести по-своему. Ни въ домѣ, ни во дворѣ никому отъ нея житья не было. Одному Петрову она изъявляла свою благосклонность, но онъ не

скрывалъ своего презрѣнія къ ней и вскорѣ сталъ предметомъ ненависти Ѳедосьи Евдокимовны.

Церковь отстроили и освятили; пріѣхалъ молодой священникъ въ приходъ съ женой и ребенкомъ, а потомъ и дьячекъ; поселили семью священника въ бывшей больницѣ, а дьячка въ школѣ. Петровъ сталъ часто ходить къ молодому батюшкѣ, много разсказывалъ ему объ Александрѣ Ивановнѣ и о томъ, какіе при ней порядки были, какъ жилось тогда поспѣловцамъ.

Иванъ Васильевичъ стремился сравнять положеніе поспѣловскихъ съ сосѣдними помѣщичьими крестьянами и для этого ему приходилось отнимать все больше и больше льготъ у своихъ крестьянъ, за что помѣщики его одобряли, да совѣты давали еще въ томъ и другомъ поприжать распущенное поспѣловское стадо. Пуще всего хлопоталъ онъ о томъ, чтобы не возбуждать противъ себя сосѣдей и не заслуживать отъ нихъ упрековъ въ послабленіи своимъ мужикамъ.

Сталъ Иванъ Васильевичъ съ барщиной иногда не по правдѣ поступать: стоятъ дни хорошіе въ горячую пору—всю деревню шлетъ на барскую работу, а въ ненастье—работай мужикъ на себя.

Пошелъ среди поспѣловцевъ ропотъ; совѣтовались съ Петровымъ, какъ быть; научилъ онъ ихъ цѣлымъ міромъ идти къ барину просить по справедливости насчетъ работы дѣйствовать, какъ бывало при покойницѣ

Александрѣ Ивановнѣ. Только грѣха нажили; накричалъ и прогналъ ихъ Иванъ Васильевичъ.

Пошло и дальше: хлѣбомъ съ общаго крестьянскаго поля баринъ пожелалъ самъ распоряжаться, самъ онъ лучше знаетъ, кому нужда, а кому работать лѣнь; кому, значитъ, помочь, кому отказать, а міръ безъ толку этимъ дѣлежомъ распоряжается.

Мужики послали старшаго, посмѣлѣе, это дѣло барину на видъ поставить и объяснить, что такой приказъ отъ самой «родимой» былъ, чтобы міръ этимъ дѣломъ завѣдывалъ.

Смѣльчака связали и за дерзость къ становому на исправленіе отправили.

Петровъ возмущался за крестьянъ. Общее горе, потеря Александры Ивановны, сблизило его съ ними; они стали ему своими, онъ страдалъ за нихъ, но заступиться не могъ, онъ ихъ лечилъ, училъ грамотѣ, принималъ участіе въ ихъ обидахъ и тщетно изыскивалъ средства измѣнить ихъ положеніе; существовалъ онъ на заработокъ, который имѣлъ у сосѣднихъ помѣщиковъ и у крыловскихъ тузовъ. Съ поспѣловскихъ Григорій Петровичъ не бралъ ни копейки и лекарства давалъ имъ отъ себя. Какъ-то разъ, въ отсутствіе Ивана Васильевича, Петрову удалось добраться до Елены Петровны съ помощью Дениса и высказать ей все. Старушка сама скорбѣла о томъ же, молилась, чтобы Иванъ Васильевичъ прозрѣлъ и чтобы вліяніе

совѣтчиковъ не смущало духа его, но была вполнѣ безсильна помочь поспѣловцамъ; вліянія на зятя она не имѣла.

О посѣщеніи Петровымъ барскаго дома Ѳедосья Евдокимовна конечно не замедлила донести барину, а также и подслушанный разговоръ его съ Еленой Петровной передала доподлинно. Иванъ Васильевичъ изгналъ Петрова со своей земли, съ запретомъ когда нибудь хоть одной ногой ступать на нее.

Петрова приняли крыловскіе.

Ходили поспѣловскіе на могилку къ родимой, молились, просили ее за нихъ, горемычныхъ, вступиться.

Прошелъ годъ, другой. Петровъ украдкой ходилъ позднимъ вечеромъ, какъ совсѣмъ стемнѣетъ, въ Поспѣловку къ крестьянину, у котораго прежде жилъ, и черезъ него общился съ поспѣловцами; добѣгалъ туда повидаться съ Петровымъ и Денисъ, когда всѣ въ барскомъ домѣ спали, и передавалъ Еленѣ Петровнѣ все, что ему поручалось. Онъ сохранилъ сильную привязанность къ Петрову, помня отношенія къ нему Александры Ивановны. Обрушилась на поспѣловскихъ еще нежданная бѣда,—падежъ на скотъ появился: такъ и валилась корова за коровой у бѣдныхъ крестьянъ, и безъ лошади не одинъ дворъ остался.

Петровъ лечилъ невидимкой скотъ, какъ умѣлъ, и жалѣлъ народъ, который лишался главнаго своего до-

стоянія. Вспомнилъ онъ и о семи тысячахъ, передалъ о нихъ черезъ бывшаго своего хозяина поспѣловцамъ, а тѣ опять къ барину челомъ бить, чтобы помогъ имъ на деньги, что матушка Александра Ивановна оставила, скотомъ обзавестись. Не ласково принялъ ихъ Иванъ Васильевичъ, дивился, откуда они про семь тысячъ прознали и объявилъ, что деньги эти на добрѣе дѣло, на храмъ, пошли,—у него не хватило.

А тутъ еще, какъ на грѣхъ, подкараулила Ѳедосья Евдокимовна Петрова на дорогѣ, поздно вечеромъ, когда онъ подходилъ къ Поспѣловкѣ и довела объ этомъ до свѣдѣнія барина. Чего, чего она ему не наговорила: будто разговоръ Петрова съ кѣмъ-то слышала, что-то ужасное противъ Ивана Васильевича замышляютъ; однимъ словомъ, налгала съ три короба, масла въ огонь подлила и напугала барина, бѣда какъ!

Вскорѣ какъ-то ночью наѣхали становой и исправникъ съ солдатами въ Крыловку, заковали Петрова въ кандалы и увезли въ городъ, а тамъ въ острогъ посадили. Какъ громомъ поразила эта вѣсть поспѣловцевъ и самого Ивана Васильевича. Какъ ни увѣряла его Ѳедосья Евдокимовна что нужно Господа Бога благодарить, что нашелся добрый человѣкъ, который во-время доносъ на бунтовщика Петрова сдѣлалъ; онъ не могъ успокоиться. А кто былъ этотъ добрый человѣкъ—такъ и не добились!

Поспѣловцы, узнавъ о судьбѣ Петрова, не пошли

на работу, а собрались всѣ у барскаго дома и желали видѣть Ивана Васильевича; пусть баринъ разъяснитъ за что Петровъ пострадалъ; пусть вступится за него, чтобы его вернули.

Иванъ Васильевичъ не выходилъ, онъ былъ страшно взволнованъ арестомъ Петрова, лежалъ въ постели, его била лихорадка... Народъ продолжалъ волноваться и требовать барина.

На крыльцѣ появилась Елена Петровна и именемъ покойной Александры Ивановны убѣдила крестьянъ разойтись, повторяя не разъ:

— Не губите себя; жаль мнѣ васъ; разойдитесь! И барина-то все злые люди мутятъ.

Вѣрушка, Агафья и Авдотья-глухая, страхъ какъ, тужили о Петровѣ и желали его навѣстить въ заключеніи. Елена Петровна наняла имъ подводу и отпустила въ городъ. Забрали онѣ бѣлаго хлѣба, каленыхъ яицъ, чаю, сахару и отправились въ острогъ; все ихъ приношеніе было принято для передачи Петрову, но самихъ ихъ не допустили къ нему.

Вскорѣ стали съ поспѣловскихъ и допросъ снимать.

По доносу, обвиненіе противъ Петрова было тяжкое: будто бы подъ его вліяніемъ крестьяне на жизнь барина пытались посягнуть. Всѣ они, какъ одинъ человѣкъ, показали, что Петровъ ни въ чемъ не повиненъ, не возмущалъ ихъ противъ барина, не подстре-

калъ ни на какое зло, а только наставлялъ ихъ какъ и о чемъ барина просить. Допрашивали и Ѳедосью Евдокимовну—когда и какъ Петровъ ночью къ деревнѣ подкрадывался и съ кѣмъ онъ знакомство водилъ.

Накричала она пуще всѣхъ и налгала безъ стыда, безъ совѣсти на Петрова, на Дениса и другихъ.

Все затихло на деревнѣ; словно вымерли всѣ. Иванъ Васильевичъ даже не могъ отдать себѣ отчета какъ все это случилось, чѣмъ это было вызвано; онъ никому не желалъ сдѣлать зла и такъ далекъ былъ отъ такой развязки. Онъ даже боялся на улицу показаться.

Дѣло Петрова окончилось; онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь на каторжныя работы, на 20 лѣтъ.

— Не знаю, насколько это вѣрно,—оговорился разсказчикъ; такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали.

Иванъ Васильевичъ выгналъ на всѣ четыре стороны Ѳедосью-кляузницу, которая столько бѣдъ натворила, и уѣхалъ въ сосѣднюю губернію, къ старому товарищу по полку.

Елена Петровна осталась. Насталъ день объявленія приговора осужденному. Рано утромъ, на длинныхъ роспускахъ, на которыхъ было устроено высокое сидѣнье, въ родѣ позорной колесницы, въѣхалъ Петровъ въ арестантскомъ платьѣ, страшно исхудалый, желтый и какъ будто еще болѣе озлобленный, въ родную Поспѣловку, гдѣ когда-то ему жилось такъ привольно при Александрѣ Ивановнѣ, гдѣ его

любили и цѣнили. Онъ молча смотрѣлъ на народъ, толпившійся у самыхъ избъ, такъ какъ дорога и лугъ были оцѣплены войскомъ. При видѣ его—рыданія, стоны и крики толпы слились въ одинъ общій гулъ, который такъ и проводилъ его по всей деревнѣ, вплоть до околицы.

Оглянулся Петровъ и на домъ. На крыльцѣ появилась Елена Петровна и твердой рукой сотворила издали крестное знаменіе надъ пострадавшимъ, какъ бы благословляя его въ дальній путь. Она едва держалась на ногахъ отъ волненія. Около нея стояли на колѣняхъ Вѣрушка, Агафья, Авдотья и Денисъ, всѣ они молились за Петрова, ему вслѣдъ.

На другое утро Елена Петровна уѣхала изъ Поспѣловки въ губернскій городъ, за полтораста верстъ, просить милости приговоренному. Велѣла старушка доложить о себѣ губернатору и упала передъ нимъ на колѣни такъ неожиданно, что смутила и напугала его.

— Что могу для васъ сдѣлать? спросилъ онъ, и сталъ поднимать Елену Петровну.

— Милости прошу, ваше превосходительство, правосудія, батюшка, отвѣчала она и разсказала ему все, какъ было, безъ утайки, до мельчайшей подробности: какъ Иванъ Васильевичъ послѣ кончины жены совсѣмъ голову потерялъ, какъ его учили съ крестьянами построже быть, какъ стращали, что они

его убьютъ, коли онъ имъ все больше и больше воли будетъ давать, и вотъ до чего довели. Она объяснила, что Петровъ по стопамъ Александры Ивановны пошелъ, что она истинная христіанка была, что и онъ рѣдкій человѣкъ и только добра желалъ поспѣловскимъ, безъ жалованья трудился для нихъ, а о бунтѣ у него и въ помыслахъ не было. И молила Елена Петровна губернатора о пощадѣ, о смягченіи участи безвиннаго.

Правдивая рѣчь ея обратила на себя вниманіе губернатора. «Какое дѣло старухѣ до фельдшера Петрова! Ясно, что все было такъ, какъ она говоритъ». Онъ потребовалъ къ себѣ въ кабинетъ чиновника, которому и поручено было составить тутъ же, на мѣстѣ, протоколъ показаній свидѣтельницы Елены Петровны Полянской по дѣлу фельдшера, изъ крестьянъ, Григорія Петрова. Губернаторъ обѣщалъ Еленѣ Петровнѣ не оставить ея просьбы безъ вниманія, и дѣйствительно вошелъ съ ходатайствомъ о переразслѣдованіи дѣла Петрова на основаніи вновь полученныхъ вѣскихъ данныхъ, значительно смягчающихъ прежнія противъ него показанія.

Ходатайство его было уважено, дѣло переразслѣдовано и рѣшеніе измѣнено.

Все это произошло семь лѣтъ спустя послѣ кончины Александры Ивановны. Иванъ Васильевичъ не возвращался болѣе въ Поспѣловку; онъ купилъ себѣ

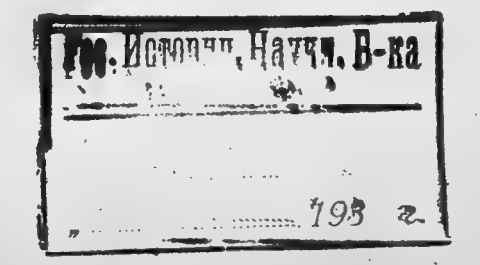
маленькое имѣнье въ другомъ уѣздѣ и переѣхалъ съ Еленой Петровной за 300 верстъ отъ мѣста всѣхъ тяжелыхъ событій послѣдняго времени; поспѣловскихъ онъ отпустилъ на оброкъ.

Сколько свѣчей теплилось въ ту пору въ церкви за здравіе Петрова, такъ много пострадавшаго за поспѣловскихъ! Сжалился Господь надъ ними, услышалъ Онъ молитвы Александры Ивановны; цѣлымъ міромъ отправились поспѣловцы въ первое же воскресенье въ Овражки служить панихиду на могилѣ «родимой» и вздохнули свободнѣе.

О Петровѣ съ тѣхъ поръ никакихъ вѣстей не доходило.

— Теперь, конечно, другія времена настали, сказалъ въ заключеніе помѣщикъ; всѣмъ свобода дана. Поспѣловскіе давно поправились и живутъ примѣрно. Народъ честный, трудящійся, непьющій, и между собой у нихъ миръ. Всѣ ихъ почитаютъ. Доброе сѣмя положила тамъ Александра Ивановна. Изъ рода въ родъ будутъ передаваться разсказы о ея дѣлахъ. Не умретъ никогда память о ней въ Поспѣловкѣ.

О. Корнилова.


Гос. Историч. Научн. Б-ка
193 г.

Цѣна 75 коп.